

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«АСТРАХАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(АСТРАХАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)
ЦЕНТР НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА
И МЕТОДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «ВАВИЛОН»

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Сборник статей VII Международной очной
научно-практической конференции

11-12 ЯНВАРЯ 2012 г.

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«АСТРАХАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(АСТРАХАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)
ЦЕНТР НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА И МЕТОДИЧЕСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «ВАВИЛОН»

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Сборник статей VII Международной очной
научно-практической конференции *

11-12 ЯНВАРЯ 2012 г.

г. Астрахань – 2011

УДК 80
ББК 81.43
О755

Редакционная коллегия:

Г.В. Рябичкина (гл. редактор), Н.И. Кривых (зам. гл. редактора),
Л.И. Балашова, Л.Д. Кривых, О.Б. Багринцева

О755 **Основные проблемы современного языкознания** [Текст]:
сборник статей международной научно-практической конференции. 28-30
ноября 2011 г. Астрахань / сост. Е.Ю. Бубнова – Астрахань: Издательский
дом: «Астраханский университет», 2011. – 58 с.

ISSN 2075-535X

В сборник включены материалы VII Международной очной научно-практической конференции «Основные проблемы современного языкознания», посвященной изучению наиболее актуальных и значимых проблем лингвистической науки: лингвистики текста и речевого дискурса, лингвистики в начале XXI века, как одного из перспективных направлений, обучения иностранным языкам и др.

Может быть полезен лингвистам, педагогам, студентам и аспирантам.

© Бубнова Е.Ю., составление, 2011
© Издательский дом: «Астраханский университет», 2011

ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА НЕКОТОРЫХ СОВРЕМЕННЫХ ПЕРЕВОДОВ С. ЕСЕНИНА НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК

Л.В. Абракова
Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина

Известно высказывание М.Ю. Лермонтова, перу которого принадлежат переводы некоторых стихов Г. Гейне на русский язык, о том, что «переводчик в прозе – раб, переводчик в поэзии – соперник». Истинность этого умозаключения подтверждается опытом (не всегда удачным) перевода стихов С. Есенина на французский язык. Яркая и оригинальная образность его стихотворений и поэм, обилие в них диалектизмов, окказионализмов, просторечных и устаревших слов нередко становится препятствием для переводчиков, которые не оставляют попыток передать как смысловое богатство есенинской поэзии, так и своеобразие ее форм.

«С. Есенин – поэт, который жил в разладе с собой и со своим временем», – так начинается предисловие к переводам стихов великого русского поэта Кристиан Муз, современный французский литературовед. Предваряя свой перевод поэмы С. Есенина «Черный человек», он справедливо замечает: «Что отличает творчество Есенина, так это сила духовного и социального надрыва» [Mouze 1997:12].

Обратимся к рассмотрению одного из самых мистических произведений Есенина – поэмы «Черный человек». Как и большинство произведений Есенина в переводах на французский язык, «Черный человек» написан верлибром – строки не только не рифмуются, но и не везде создают четкий ритм.

Интересно сравнить оригинал и перевод названия поэмы: «Черный человек» – *L'homme noir*. Из двух существительных, обозначающих во французском языке «человек» – *homme* и *personne*, – переводчик предпочел первое, хотя выбор этот и не бесспорен. Существительное *homme* во французском языке имеет два значения: 1 – «человек», 2 – «мужчина» [Гак 2007:145], [Dictionnaire 1994-97], в то время как *personne* означает «человек» как «персона», то есть безотносительно к полу предмета, что в данном контексте, на первый взгляд, стилистически точнее. Однако, в отличие от *homme*, слово *personne* женского рода, и его употребление в переводе могло бы полностью исказить глубокий философский смысл поэмы. «Вот опять этот черный / На кресло мое садится...», – пишет поэт, опуская слово «человек». Переводчик же не может позволить себе подобной стилистической вольности, так как субстантивированное прилагательное «черный» – *noir* – означает во французском языке «негр» и, конечно, было бы в данном случае неуместным.

В переводе этого же фрагмента Кристиан Муз успешно, на наш взгляд, передал смысл

и настроение первых двух строк: «Где-то плачет / Ночная зловещая птица». Он почти полностью сохранил в переводе тот порядок слов, который есть в оригинале: обстоятельство места – сказуемое – подлежащее с определениями: *Quelque part lamente / Un sinistre oiseau nocturne*. Этот прием, с одной стороны, противоречит нормам современного французского синтаксиса, но в то же время, благодаря неординарности ритмического рисунка фразы, привлекает внимание читателя ко второй части предложения – к его реме. Таким образом, в переводе сохраняются те же темо-ремагические отношения между частями этого предложения, что и в оригинале. К числу удачных находок переводчика можно, пожалуй, отнести и четвертую строку этого же фрагмента: «Сеют копытливый стук», которая в переводе звучит как *Sement un bruit de sabots allés*, то есть буквально – «сеют стук крылатых (словно летящих по воздуху) копыт» [1]. С точки зрения этимологии и морфологии, окказионализм «копытливый» подобен прилагательным «боязливый», «крикливый», «сварливый» и т. д., то есть «склонный к проявлению какой-либо эмоциональной реакции» или «отражающий то или иное свойство личности» («боязливый взгляд», «крикливый ребенок», «сварливый тон»). При этом с точки зрения семантики прилагательное «копытливый» выделяется из этого ряда и заполняет лауну – «относящийся к копытам», которая существует не только в русском, но, как видно из перевода, и во французском языке: не находя прилагательного с этим значением, переводчик вынужден прибегнуть к перифразу.

В достаточно вольном переводе представлены и некоторые другие образы поэмы, например, «Голова моя машет ушами, / Как крыльями птица. / Ей на шею ноги / Маячить больше невмочь». Интерес представляет вторая половина этого четверостишия, которая в буквальном переводе звучит так: «Она больше не в силах / Жить убого». При этом местоимение «она» относится не к существительному «голова», а к слову «птица». Таким образом, переводчик не берется передать на французском языке образ головы «она шею ноги», но, пользуясь приемом компенсации, углубляет сравнение головы с птицей. Следует отметить, что переводчик по возможности бережно обращается с тонкой и многогранной образностью есенинской поэмы, как правило, верно выбирая из ряда значений каждого слова именно то, которое стилистически наиболее ярко и уместно в данном контексте, а главное – точно соответствует замыслу поэта. В частности, переводя строку «Свою дохлую томную лирику», Кристиан Муз понимает прилагательное «дохлый» не как «мёртвый», а скорее как «хилый, чахлый», «жалкий» – *chétif* [Dictionnaire 1994:71]. В то же время, при всех очевидных достоинствах исследуемого перевода, он не свободен от некоторых досадных неточностей. Речь идет, например, о строке, действительно сложной для понимания в тексте оригинала: «Ты ведь не на службе / Живешь водолазовой». *Tu n'es pas a mon service / Tu as l'air d'un scaphandrier*, то есть, буквально, «Ты не на службе у меня / Ты выглядишь, как

водолаз», – говорит поэт своему собеседнику в переводе поэмы на французский язык. Подобным же образом ускользает от переводчика смысл двух других есенинских строк: «И, гниусая надо мной, / Как над усопшим монахом». *Et, nasillant au-dessus de moi, / Comme au-dessus d'un moine defunt*, то есть «... / Как над усопшим монахом», – читаем мы в переводе.

Как и в других произведениях С. Есенина, в поэме «Чёрный человек» немалую трудность для переводчика представляют устаревшие и просторечные слова. Например, «до дьявола чист» в буквальном переводе звучит как «чистый и дьявольский» – *pure et satanique*. Авторский окказионализм «стынь» переводится словом *froid*, употребительным в современном языке и стилистически нейтральным. Слово сочетание «ухватистая сила» звучит в переводе как *reelle force*, то есть «настоящая сила», хотя, как нам представляется, прилагательные *prehensile* или *tenace* более точно отражали бы сему «цепкий» в значении слова «ухватистый». Впрочем, как и прилагательное *reelle*, они не содержат нюанса просторечности.

В целом можно отметить, что рассматриваемый перевод достаточно точно передаёт как смысловую, так и эмоциональный контент поэмы, в том числе благодаря внимательному и умелому отбору таких лексико-грамматических средств выразительности, которых нет в языке оригинала, – артикль, нестандартного порядка слов и т. п.

В октябре 2004 г. во Франции вышло самое полное издание стихотворений и поэм С. Есенина на французском языке. В частности, в новом издании Есенина представлен перевод одного из наиболее известных его стихотворений – «До свиданья, друг мой, до свиданья», автор которого – Кристианна Пигетти. Мы попытались проанализировать этот перевод с точки зрения его лексико-грамматических особенностей и соответствия оригиналу, а также сопоставить перевод Пигетти с вариантами, предложенными ее предшественниками, – Софи Лаффитт, Шарлем Добжинским и Габриэлем Ару.

Любопытный материал для сравнения представляет перевод уже первой строки стихотворения: «До свиданья, друг мой, до свиданья». При переводе обращения «друг мой» авторы в основном точно воспроизводят оригинал – по-французски оно звучит как *mon ami*; однако в переводе Габриэля Ару мы видим иное обращение – *ami fidèle*, то есть «верный друг». Очевидно, эта вольность объясняется стремлением переводчика сохранить рифму, которая, кстати, не прослеживается в других анализируемых переводах. Что касается перевода слов «до свиданья», то здесь мы наблюдаем разночтения, продиктованные не структурными, а скорее семантическими, даже коннотативными нюансами. Лаффитт и Добжинский переводят «до свиданья» словом *au revoir*, то есть буквально – «до новой встречи», что не только семантически точно, но и в данном контексте верно передает замысел и настроение поэта: ведь далее следуют строки «Предназначенное расставанье

обещает встречу впереди». В то же время, Ару и Пигетти понимают в данном случае «до свиданья» как прощание на очень долгий срок или, скорее, навсегда: *Adieu, mon ami, adieu*, – говорит поэт в переводе Пигетти. При этом с точки зрения этимологии французское *adieu* – полный аналог русского напутствия «с Богом!», которое произносят в адрес человека, отправляющегося в дальний путь. В переводах же, напротив, поэт говорит *adieu* своему другу, которого он покидает. И хотя *adieu*, на наш взгляд, не столь уместно в данном контексте, как *au revoir*, нельзя не отметить, что оно звучит более экспрессивно и придает стихотворению в переводах Ару и Пигетти дополнительный драматизм.

В следующей строке – «Милый мой, ты у меня в груди» – интерес представляет главным образом ее вторая часть. Софи Лаффитт переводит ее буквально: «у меня в груди» – *dans ma poitrine*, в то время как Ару и Пигетти заменяют слово «грудь» его контекстуальным синонимом «сердце», более поэтичным, но, в то же время, несколько банальным. Наиболее далекий от оригинала вариант представлен в переводе Шарля Добжинского: *en moi tu es enraciné*, то есть, дословно: «ты укоренился во мне». В данном случае переводчик подчеркивает крепкие узы, связывающие поэта с адресатом его стихотворного послания, а коннотативное значение симпатии, душевного тепла отодвигается на второй план.

Следующие две строки: «Предназначенное расставанье / Обещает встречу впереди» – нам представляется логичным рассматривать как единое целое, именно так, как они представлены в одном из анализируемых переводов – у Габриэля Ару. Если другие авторы передают смысл этих строк, в целом сохраняя их синтаксическую структуру, то Ару усложняет ее, вводя придаточное определительное: *La separation n'est pas cruelle / qui promet une rencontre, ailleurs*. Более того, Габриэль Ару дополняет мысль Есенина, как будто поясняет ее. Дословно перевод Ару звучит так: «Не столь жестоко расставанье, которое обещает встречу где-то». Следует также отметить, что причастие «предназначенное» всеми авторами, кроме Ару, который его не употребляет, переводится одинаково и, разумеется, в рамках его контекстуального смысла – «предсказанное, предстоящее неизбежно», а не в современном значении.

Иначе обстоит дело с существительным «встреча»: оно имеет три варианта перевода. Ару и Добжинский передают его значение словом *rencontre*, широко употребительным и в современном французском языке, и в языке начала XX века. Согласно определению, приведенному во французском толковом словаре «Hachette», *rencontre* – это свидание случайное, незапланированное [2]. Кристианна Пигетти переводит «встречу» словом *revoir* – субстантивированным глаголом, который не зафиксирован упомянутым словарем. Исходный глагол *revoir* входит в состав лексики *au revoir* – «до свиданья»; он означает «снова увидеть» и не несет в себе ни семы «случайность», ни противоположной ей. Возможно, именно по

этой причине Пигетти отказывается от употребления *au revoir* в первой строке своего перевода и заменяет его на *adieu*, чтобы избежать тавтологии, которой, кстати, нет и в русском тексте: «до свиданья» – «обещает встречу». Наконец, в тексте Софи Лаффитт существительное «встреча» переводится как *rencontres*, что является, на наш взгляд, наиболее удачным эквивалентом, так как означает «новая встреча с людьми, с которыми пребывал в разлуке» [2].

«До свиданья, друг мой, без руки и слова» – в русском тексте эта строка выбивается из общего ритма стихотворения. В переводе на французский язык эта особенность не столь заметна благодаря более свободному ритму, отличающему французскую версию от русской. Другая же особенность этой строки – частичный повтор первых слов стихотворения – сохранена во всех рассматриваемых переводах, кроме варианта Габриэля Ару: *Evitons les mains, le mot suprême*: «Обойдемся без рукопожатия, без высоких слов», – переводит он. Как мы видим, переводчик употребляет императив совместного действия, которого нет у Есенина. Нет в стихотворении и эпитета у слова «слова», однако Ару вводит (возможно, ради сохранения ритма и рифмы) в свой текст прилагательное *suprême*, меткое и многозначное, которое, как нам представляется, не отдаляет перевод от оригинала, а украшает и обогащает его. Первое значение прилагательного *suprême* – «высокий, возвышенный», второе – «последний, предсмертный». Очевидно, что и то, и другое значения уместны в данном контексте.

Следующая строка есенинского стихотворения – «Не грусти и не печаль бровей» – также дает простор для творчества переводчиков. К сожалению, следует отметить, что ни в одном из рассматриваемых переводов не найдено полного эквивалента словосочетанию «печалить брови», которое является авторским окказионализмом, созданным, вероятно, по образцу «сутулить плечи» (сутулиться), «щурить глаза» (щуриться). В русском языке «печалить» можно кого-либо, то есть этот глагол относится обычно лишь к одушевленным существительным. Есенин же употребляет некую метонимию-оксюморон, яркую, но объективно слоганную для перевода.

Предпоследнюю строку стихотворения – «В этой жизни умирать не ново» – Лаффитт, Добжинский и Пигетти переводят буквально, чего нельзя сказать об Ару: «Что ж, умереть – не большая проблема», – пишет он. Начиная строку с разговорного междометия *quoi*, он заканчивает ее словом *problème* – «проблема», которое во времена Есенина было далеко не столь употребительным в разговорной речи, как сегодня. Впрочем, можно предположить, что *problème* используется в данном случае в значении «сложность, затруднение», что «приближает» его ко времени создания оригинала, но не делает менее чужеродным в тексте перевода. Наконец, Есенин говорит о том, что «умирать не ново», а вовсе не «не сложно».

«Но и жить, конечно, не новей», – с горечью пишет поэт и ставит точку. Его переводчики не соглашались с таким финалом: восклицательным знаком заканчивает свой перевод Софи Лаффитт; многоточием обрывается последняя строка в переводе Габриэля Ару. И это не единственное отличие его текста от оригинала. Ару вновь не ограничивается переводом Есенина: он пытается развить и обогатить само содержание его стихотворения. Междометия *hélas* – «увы» – нет в есенинском стихе, однако, по мнению переводчика, именно оно точно отражает настроение поэта. С другой стороны, можно предположить, что Ару вводит это слово скорее для поддержания рифмы и ритма стиха. Вероятно, этой же целью переводчик руководствовался и в том случае, когда употребил вместо наречия *non plus*, необходимого в данном случае (при отрицании), синонимичное ему, но грамматически неверное *aussi*, сохраняя рифму *sources–aussi*.

Подводя итог, отметим, что из четырех проанализированных переводов лишь один – перевод Габриэля Ару – написан в стихах; другие же авторы, следуя традиции французской версификации XX века, перевели стихотворение так называемым «белым стихом», ритмичным, но свободным от рифмы. Нельзя не заметить, что в своем стремлении сохранить форму стихотворения переводчик порой вынужден жертвовать элементами его содержания или, чаще, добавлять их от себя, так как в большинстве своем французские слова и, следовательно, строки короче соответствующих им русских. В то же время, поэзия С. Есенина содержит такие элементы, которые объективно не поддаются полному и адекватному переводу.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гак В. Г., Ганшина К. А. Новый французско-русский словарь. М., Русский язык медиа, 2007.
2. Dictionnaire de la langue française. Evreux, Hachette, 1994.
3. Essénine S. L'Inonie. Poemes traduits par Christian Mouze. Evian-les-Bains, 1997.

КОРРЕКТИРОВКА ПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫХ НАВЫКОВ НА НЕЯЗЫКОВЫХ ФАКУЛЬТЕТАХ

Л.И.Балашова
Астраханский государственный университет

Существенные различия между русской и английской фонетическими системами требуют комплексной, систематической и целенаправленной работы по корректировке произносительных навыков студентов. Термин «произношение» включает в себя

артикуляцию конкретных звуков и интонационный рисунок. В данной статье будут рассмотрены согласные звуки и особенности просодических явлений устной английской речи. Корректировка произношения гласных звуков и дифтонгов, а также общий подход к проведению подобной работы были рассмотрены в нашей предыдущей статье [2:76-81]

Корректировка произношения согласных звуков

Как показывает многолетняя практика, наиболее распространёнными ошибками русскоговорящих студентов являются: оглушение конечных звонких согласных, смягчение английских согласных перед гласными переднего ряда, замена артикуляции межзубных согласных [Т] и [D] согласными [s, z], звука [N] русским [нг] или даже [нк]. Но для совершенствования и красоты языка необходимо тщательно оттачивать артикуляцию и других согласных звуков, сводя к минимуму русский акцент.

Английские согласные [p, t, ʃ] несколько отличаются от русских. Перед ударным гласным они произносятся с придыханием, а в конце слова – энергично. Примеры: *ray, pipe, take, date, Kate*.

Во избежание произнесения [ts], [k] вместо [t], [d] необходимо следить за тем, чтобы кончик языка только коснулся альвеол, а не задерживался на них. Примеры: *tie, day, bed, set*.

Артикуляция русского [н] и английского [n] отличается позицией кончика языка – у английского звука он касается альвеол, а у русского находится выше. Например: *name, fun*.

К альвеолярным принадлежит и английский звук [l]. Он имеет два оттенка: светлый, или мягкий (перед гласными) и тёмный, или твёрдый (в конце слова или перед согласными). Но в любом случае он отличен от русского. Светлое [l] твёрже русского «ль», а тёмное [l] – всё-таки мягче русского «ль». Сравните: *look - лок, call - кол*.

Сонанты [n,l] в конце слова после шумного согласного являются слогаобразующими, произносятся напряжённо и более звучно: *lesson [le-sn], bible [bai-bl]*.

Звук [j] напоминает русское «й», но произносится с меньшим шумом. Чтобы избежать неточности, необходимо мгновенно артикулировать последующий гласный: *yes, yellow*.

Звуки [S, Z] звучат несколько мягче русских [ш, ж], что достигается поднятием средней части спинки языка по направлению к твёрдому нёбу: *show, section, ocean, measure, pleasure*.

Звуков [T] и [D] в русском языке нет. Во избежание замены этих звуков русскими [с, з] кончик языка должен быть немного виден между зубами. Чтобы не получились [т, д], не надо прижимать кончик языка к верхним зубам. Нижняя губа не поднимается к верхним зубам, иначе прозвучат [ф, в].

Сравните:

[T]		[s]	
thin	тонкий	sin	грех
thick	толстый	seek	искать

		[f]	
three	три	free	свободный
thought	думал	fought	боролся

[D]			
that	тот	fat	жирный

		[v]	
than	чем	van	фургон
though	хотя	zoo	зоопарк

Английское [r] не будет звучать как русское «р», если не касаться языком альвеол: read, several, free.

Варианты английского языка различаются произношением звука [r]. Если звук [r] находится или в конце слова (teacher), или перед гласной (harm), или за ним следует «немая буква» «e» (here), то во многих диалектах его не произносят. А в ирландском, шотландском и американском английском звук [r] в этих позициях произносится.

Конечное [r] произносится на стыке слов, если второе слово начинается с гласной: there are, a car and a train.

В русском языке отсутствует звук, аналогичный очень слабому английскому звуку [h], представляющему собой лёгкий выдох. Во избежание произнесения шумного и резкого русского «х» нельзя энергично поднимать заднюю часть языка к мягкому нёбу. Следует моментально переходить от [h] к следующему за ним гласному: hand, heavy.

Звук [b] звучит в русском языке при стыке звуков «ч» и «б» в словосочетаниях «дочь бы пришла», «врад бы помочь» и т.п. Важно произносить [b] как один звук, не разделяя их на «дч+аж»: June, village.

При артикулировании звука [w] нижняя губа не должна касаться верхних зубов и следует быстро переходить к следующему звуку. Это поможет избежать замены [w] фонемой [v].

Сравните:

[v]		[w]	
verse	стих, строфа	worse	хуже
van	фургон	when	когда
veal	телятина	will	завещание

vest	жилет	west	запад
vent	отверстие	went	пошёл

При произнесении [N] задняя часть языка образует смычку с опущенным мягким нёбом. Воздух проходит через нос. Чтобы не получилось [n], кончик языка нужно держать у корней нижних зубов. Нельзя допускать дополнительных звуков [д] или [к], так как это повлечёт изменение смысла.

Сравните:

[n]		[N]	
tan	загар	tang	звон
pan	кастрюля	pang	боль
run	бежать	rung	звенел
ban	запрет	bang	звук выстрела
win	победить	wing	крыло
sin	грех	wink	моргать
thin	тонкий	sink	тонуть
		think	думать

Привести к взаимонепониманию может и нарушение правила об отсутствии оглушения звонких согласных в конце слова.

Сравните:

hat	шляпа	had	имел
sat	сидел	sad	грустный
set	ставить	said	сказал
bet	заклад	bed	кровать
rat	крыса	red	красный
but	но	bud	почка
feet	ноги	feed	кормить
foot	нога	food	пища
back	назад	bag	сумка
lack	нехватка	leg	нога
mate	товарищ	made	сделал
leaf	лист	leave	покидать
half	половина	have	иметь
close	душный	close	закрывать
course	курс	cause	причина

Удareние

Студенты слабо представляют себе роль и место ударения (как словесного, так и

фразового) в произношении и распознавании слов, групп слов и предложений. Английское словесное ударение более сильное, чем русское; в английских словах по-разному распределяется напряжённость артикуляции. Многие английские слова, особенно содержащие более трёх слогов, имеют главное и второстепенное ударения. Английское ударение разноместное по своему характеру. Но фонетистами выявлены некоторые закономерности (13:179): на первом слоге имеют ударение большинство двусложных существительных и прилагательных, также многосложные глаголы, заканчивающиеся на -ate, -ize (ise). Например, doctor, merry, variorize, graduate.

Ударение падает на последний слог в большинстве двусложных глаголов. Например, perform, receive.

В словах, оканчивающихся на -ic, -sion, -tion, ударение стоит на предпоследнем слоге. Например, economic, position, conclusion.

Ударение на третьем от конца слоге в словах, заканчивающихся на -cy, -ty, -ry, -gy, -al. Например, policy, political, philosophy, capacity.

Многие многосложные технические термины имеют приставки (например, anti-, inter-). Именно на этих приставках стоит второстепенное ударение. Например, interconnection, anti-aircraft.

Если сложное слово (состоящее из двух слов) – имя существительное, то ударение падает на первую часть, а если глагол – то на вторую. Например, а busy-body, а postman, to overcome.

Если сложное слово состоит из прилагательного (или наречия) и причастия, то ударны обе части: well-bred, well-done. Так же, как и в глаголах с послелогами: look up, take off.

Ударение в английском языке является одним из словообразовательных средств. Изменение места ударения в слове может изменить его значение или частеречную принадлежность. Сравните:

<u>man</u> kind - мужчины, мужской пол	<u>man</u> kind - человечество
<u>pro</u> duce - продукция	<u>pro</u> duce - производить
<u>pres</u> ent - подарок	<u>pres</u> ent - дарить
<u>obj</u> ect - предмет	<u>obj</u> ect - возражать

Ударение может перемещаться при образовании однокоренных слов. Сравните:

<u>act</u> ive - активный	<u>pol</u> icy - политический	<u>cont</u> inent - континентальный
<u>ind</u> ustry - индустриальный	<u>ind</u> ustrialization - индустриализация	<u>per</u> iod - периодический

Числительные, оканчивающиеся на -teen, не имеют постоянного словесного ударения.

Когда их произносят отдельно или в положении после существительного, они имеют два ударения: page sixteen, size fourteen. В положении перед существительным они имеют

ударение только на первом слоге: fifteen pencils, thirteen ways. Причём звук [t] в конечном слоге даже в безударном положении произносится отчётливо, чтобы не спутать 13, 14, 16 и т.д. с 30, 40, 60 и т.д.

Для взаимопонимания в связной речи важно соблюдение не только словесного, но и фразового ударения, под которым понимается выделение тех или иных слов в предложении. В английском языке ударение, как правило, падает на имена существительные, прилагательные, смысловые глаголы, числительные, указательные и вопросительные местоимения и наречия. На вспомогательные глаголы, глагол-связку *be*, предлоги, союзы, личные и притяжательные местоимения, артикли в обычной, неэмоциональной речи ударение не падает.

Фразовое ударение тесно связано с ритмом, т.е. с равномерностью чередования ударных и безударных слогов.

Гласные в неударных словах обычно редуцируются, ослабляются до неударных звуков [Q] и [i] или совсем выпадают (см. таблицу сильных и слабых форм –16: 287-288)

Справочная таблица сильных и слабых форм

Орфография слов и сильные формы	Редукция		
	Медленная речь	Умеренная речь	Быстрая речь
1	2	3	4
1. a [ei]	[ei, Q]	[Q]	[Q]
2. about [Q'baʊt]	[Q'baʊt]	[Q'baʊt]	[aʊt]
3. always ['lwaɪz]	['lwaɪz]	['lwaɪz]	['lwaɪz]
4. am [Xm]	[Xm, Qm]	[Qm, m]	[(Q)m]
5. an [Xn]	[Qn]	[Qn]	[(Q)n]
6. and [Xnd]	[Qnd]	[Qnd, nd, Qn]	[(Q)]
7. anybody ['enɪbɒdi]	['enɪbɒdi]	['enɪbɒdi]	['enɪbɒdi]
8. are [R]	[Q/r]	[Q/r, Q/r]	[Q/r]
9. as [Xz]	[Qz]	[Qz]	[(Q)z]
10. at [Xt]	[Qt]	[Qt]	[(Q)t]
11. be [bi:]	[bi]	[bi]	[bi]
12. been [bi:n]	[bi n]	[bi n]	[bin]
13. before [bɪ'fɔ:]	[bɪ'fɔ]	[bɪfɔ]	[bɪfɔ]
14. but [bʌt]	[bʌt]	[bʌt]	[bʌt]

15. by [bai]	[bai]	[bai]	[bQ]
16. can [kXn]	[kQn]	[kQn]	[k(Q)n, kn]
17. could [kud]	[kud]	[kQd]	[k(Q)d]
18. do [du:]	[du]	[du, du]	[du, dQ, d]
19. does [dAz]	[dAz]	[dQz, dz]	[dz, z, s]
20. for [fL]	[fO:/r]	[fQ:/r]	[f(Q)/r]
21. from [frPm]	[frQm]	[frQm]	[fr(Q)m]
22. had [hXd]	[hQd]	[hQd, Qd, d]	[(Q)d]
23. has [hXz]	[hQz]	[hQz, Qz]	[z, s]
24. have [hXv]	[hQv]	[(h)Qv, v]	[v]
25. he [hi:]	[hi]	[hi, hi, (h)i]	[i, i]
26. her [hQ:]	[hQ:/r]	[(h)Q:/r]	[Q:/r]
27. herself [hQ'self]	[(h)Q'self]	[(h)Q'self]	[Qself]
28. him [him]	[(h)im]	[im]	[(Q)m]
29. himself [him'self]	[(h)im'self]	[(h)im'self]	[(i)mself]
30. his [hi:]	[(h)iz]	[(h)z, z]	[(i)z]
31. is [iz]	[iz]	[z, s]	[z, s]
32. ma'am [mXm]	[mXm]	[mQm]	[mm, m]
33. many ['meni]	[meni]	[mQni]	[mni]
34. me [mi:]	[mi]	[mi, mi]	[mL, MQ]
35. must [mAst]	[mQst]	[mQst]	[mQs, ms]
36. my [mai]	[mai]	[mai]	[mQ]
37. myself [mai'self]	[mai'self]	[mai'self]	[mQ'self]
38. no [nQu]	[nQu]	[nQu]	[nQ(u)]
39. nobody ['nQubPdi]	['nQubPdi]	['nQubQdi]	['nQubdi]
40. nor [nL]	[nL:/r]	[nO:/r]	[nr]
41. not [nPt]	[nPt, nt]	[nt]	[nt]
42. of [Pv]	[Qv]	[Qv, v]	[(Q)v, (Q)f]
43. or [L]	[O:/r]	[O:/r]	[Q:/r]
44. per [pQ:]	[pQ:/r]	[pQ:/r]	[p(Q)/r]

45. saint [seint]	[sQnt]	[s(Q)nt, sQn]	[sn]
46. shall [SXl]	[SQl]	[SQQL]	[Sl]
47. she [Si:]	[Si]	[Si]	[Si]
48. should [Sud]	[Sud, SQd]	[SQd]	[SD, ST]
49. sir [sQ:]	[sQ:/r]	[[sQ:/r]	[sQ:/r]
50. so [sQu]	[sQu]	[sQu, sQ]	[s(Q)]
51. some [sAm]	[sQm]	[sQm]	[sm]
52. somebody ['sAmbPdi]	['sAmbPdi]	['sAmbQdi]	['sAmbdi]
53. such [sAC]	[sAC]	[sQC]	[sQC]
54. than [DXn]	[DQn]	[DQn, D(Q)n]	[Dn]
55. that [DXi] (указ.мест-е)	[DXi]	[DXi]	[DXi]
56. that [DXi] (союз)	[DQi]	[DQi]	[Di]
57. the [Di:]	[Di, DQ]	[Di, DQ]	[D(i)], D(Q)]
58. them [DQm]	[DQm]	[D(Q)m]	[Qm, m]
59. their [DFQ]	[DFQ:/r]	[DQ:/r]	[D:/r]
60. themselves [DQm'selvez]	[DQm'selvez]	[D(Q)m'selvez]	[Dm'selvez]
61. there [DFQ]	[DFQ:/r]	[DQ:/r]	[D(Q)/r]
62. till [til]	[til]	[(i)l]	[l]
63. to [tU:]	[tu, tQ]	[tu, tQ]	[(t)u, t(Q)]
64. toward [tu'wLd]	[tQ'wLD]	[twLd]	[tLd]
65. unless [An'les]	[Qn'les]	[(Q)n'les]	[nles]
66. until [An'til]	[Qn'til]	[(Q)n'til]	[ntil]
67. upon [ApPn]	[QpPn]	[(Q)pPn, QpQn]	[pQn]
68. us [As]	[Qs]	[(Q)s]	[s]
69. was [wPz]	[wQz]	[w(Q)z]	[wz]
70. were [wQ:]	[wQ:/r]	[wQ:/r]	[wr]
71. what [wPt]	[wPt]	[wPt]	[wPt]
72. when [wen]	[wen]	[wen]	[wen]
73. where [wFQ]	[wFQ]	[wFQ]	[wFQ]
74. who [hu:]	[hu]	[hu, hu]	[(h)u, u]

75. whom[hʊm]	[hʊm]	[hʊm]	[h(u)m]
76. will [wɪl]	[wɪl]	[w(Q)l, l]	[l]
77. would [wʊd]	[wʊd], w(Q)d]	[(w)Qd]	[(Q)d]
78. you [ju:]	[ju:, ju]	[ju:, ju]	[ju:, j(Q)]
79. your [jʊ:]	[jʊ:/r]	[jʊ:/r]	[jʊ:/r]
80. yourself [jɪl'self]	[jʊ'self]	[jʊ'self]	[jʊ'self]

На качество произношения гласного, кроме ударения, влияет и темп речи. Максимально ослабленные формы произношения обычно возникают под влиянием ритма. В таких условиях, в быстрой разговорной речи возможна также редукция и знаменательных слов.

Предлоги сохраняют сильную форму произношения в конечной безударной позиции. Например, "What are you looking for?" Такие предлоги, как in, till, since, on, with и некоторые другие вообще не редуцируются и сохраняют сильные формы произношения во всех позициях.

Фразовое ударение может получить любое слово, когда говорящий хочет особо выделить его, противопоставить другому слову. Например, My bag is lon, but not lunder the chair. Tell him, not me about it!

К числу недостатков в оформлении английской речи у студентов надо отнести неверное ритмико-синтаксическое членение предложения. Такие ошибки приводят иногда к полному разрушению смысла читаемого или высказываемого и таким образом препятствуют овладению правильными навыками пользования речью на английском языке.

Наша речь состоит из выражающих относительно законченную мысль предложений, которые делятся на синтагмы.

Синтагма представляет собой грамматически и интонационно оформленное объединение слов в предложении. Это объединение уже неделимо без изменения или разрушения смысловой связи между словами или словосочетаниями. Одна смысловая группа отделяется от другой изменением мелодии и, обычно, паузой, длительность которой от степени самостоятельности, важности или смысловой связанности рядом стоящих синтагм.

Синтагма может быть одним словом или состоять из нескольких слов: она может являться частью предложения или равняться предложению. Let's| begin! |Well, / |now / we are quite ready.

При помощи изменения мелодии и усиления ударения достигается выделение ведущего слова, т.е. смыслового центра синтагмы, и осуществляется так называемое логическое ударение в предложении. Логическое ударение выделяет главное в данной мысли.

вызывает новое в сообщении. Оно может падать на любое слово в предложении, причём это слово будет последним ударным словом в предложении, следующие за ним слова уже не будут иметь фразового ударения.

Интонация. «Интонация представляет собой сложное единство высоты голосового тона (мелодики), силы произнесения слов (ударения), скорости произнесения и тембра, служащее, в тесном взаимодействии с грамматической структурой и лексическим составом предложения, одним из важнейших средств выражения мысли в речи и отношения говорящего к содержанию высказывания» (см. 6, с. 49). Об ударении (словесном, фразовом и логическом) выше уже было сказано. Обратимся к мелодике.

Для интонации английского языка характерны два ярко выраженных тона: нисходящий и восходящий. Понижение тона означает уверенность категоричности, однозначности.

Нисходящий тон употребляется:

а) в утвердительных и отрицательных предложениях: He's a |student. He hasn't got a |car.

б) в специальных вопросах, начинающихся с вопросительных слов who? where? when? и т.п.: |Who are you? Where do you |live?

в) в приказах, распоряжениях: Keep |silence! Don't make |noise! |Order!

г) в восклицаниях: How |cold it is today!

Повышение тона означает неуверенность, сомнение, вежливость, незавершённость высказывания, просьбу.

Восходящий тон употребляется:

а) в общих вопросах, требующих ответа «да» или «нет»: Have you done your |work?

б) в незаконченных предложениях: The picture which you |see...

в) в перечислениях: We'd like to buy a |hat, a |coat and |shoes.

г) в словах и фразах, выражающих прощание: Buy-buy| . See you |tomorrow.

В разделительных вопросах (с or) тон сначала повышается, а в конце понижается: Shall I do it |now or |tomorrow? Первая часть расчленённого вопроса произносится с нисходящим тоном, а вторая:

1/ с нисходящим тоном при уверенности предположения

2/ с восходящим тоном при неуверенности предположения:

This verb is irregular.

You |know it, |don't you? (1)

You |know it, |don't you? (2)

Нисходяще-восходящий тон |↑ употребляется для выражения уступки, возражения,

недоверия, сожаления, предупреждения, извинения, удивления. I don't I agree! Sorry! I Take care! I It's a curious thing, I'd say! I

С такой же интонацией произносятся приветствие, если мы хотим, чтобы оно прозвучало живо, по-дружески. Официальные фразы приветствия произносятся с нисходящим тоном.

Только владея всем комплексом фонетических средств языка и правилами их организации и применения, человек способен точно понять и выразить смысловое и эмоциональное высказывание, адекватно реагировать на поведение окружающих, комфортно чувствовать себя при общении с иностранными друзьями и коллегами.

На занятиях по фонетике необходимо пользоваться техническими средствами, чтобы дать возможность студентам слышать оригинальное английское произношение в исполнении носителей языка. Вопрос о применении технических средств широк, объем и требует отдельного рассмотрения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аракин В.Д. Методика преподавания английского языка в старших классах. – М., 1958
2. Балашова Л.И. Произносительные навыки – основа коммуникации на иностранном языке. – Сб. статей VI Международной очной научно-практической конференции. Основные проблемы современного языкознания. Астрахань, 2010, с. 76-81
3. Бонк Н.А., Левина Т.И., Бонк И.А. Английский шаг за шагом. – М., 2003
4. Берлин С.А., Вейхман А.С. Обучение английской интонации. – М., 1973
5. Васильев В.А., Катанская А.Р., Лукина Н.Д., Маслова Л.П., Торсуева Е.И. Фонетика английского языка. Нормативный курс. – М., 1980
6. Vasiyev V.A. English Phonetics. A theoretical course. – М., 1966
7. Гальперин И.Р., Василевская И.И., Кормилина В.И., Олексенко Н.Г., Шпекторова М.Н., Черкасская Е.Б., Васильев В.А. Учебник английского языка. – М., 1958
8. Диксон Р.Р. Говорите по-английски. – М., 1989
9. Касабова М.М. Коррективный курс фонетики английского языка. – М., 1966
10. Коммуникативная грамматика. – Методические рекомендации. Сост.: Л.Д.Кривых, Н.И.Кривых, Г.В.Рябичкина. Издательский дом «Астраханский университет», 2006
11. Леонтьева С.Ф. Теоретическая фонетика английского языка. – М., 1988
12. Павел Литвинов. Англо-русский фонематический словарь. – М., 2005.
13. Петрова С.В., Рудавин О.Н., Бенина А.Е. Нескучная фонетика английского языка. – М., 2005
14. Соколова М.А., Гинтовт К.П., Кантер Л.А., Крылова Н.И., Тихонова И.С., Шабаш Г.А. Практическая фонетика английского языка. – М., 1984

15. Соколова М.А., Гинтовт К.П., Тихонова И.С., Тихонова Р.М. English phonetics. Theoretical course. – М., 1984

16. Трахтеров Л.А. Практический курс фонетики английского языка. – М., 1976.

К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЕ УЧАЩИХСЯ

Ю.И. Бокатина

филиал Самарского государственного университета путей сообщения, Республика Мордовия

Как известно, язык – явление динамическое, постоянно развивающееся. Л. Леонов справедливо отметил, что «язык... как самый точный барометр, чутко реагирует на все изменения, происходящие в обществе... откликается новыми словами на все изменения жизни» [Цит. по: Иванова 1969: 27-28].

Общезвестно, что язык, как и другие реалии жизни, подвержен моде. По характеру такой «лингвистической моды» можно судить о духовной жизни общества, об ориентирах и устремлениях людей, об их вкусах и предпочтениях. Новые слова и обороты входят в нашу речь посредством средств массовой информации и Интернета. В большинстве случаев модные в современном языковом пространстве слова возникают путём заимствования иноязычных образцов. Очень часто школьники не знают истинного значения слова, но активно используют его, потому что в данное время оно является модным. Употребление слов, смысл которых ученики не до конца понимают, приводит не только к различным речевым ошибкам, но и к обеднению лексического запаса, языковой культуры учащихся.

На наш взгляд, доступно раскрыть школьникам семантику модных в современном социуме слов, запомнить их орфографическое написание и усвоить их место в современной языковой практике позволит этимологический анализ как приём обучения русскому языку.

Выявлено специфики этимологического анализа как приема обучения русскому языку посвящены работы Т.А. Бобровой, А.И. Власенкова, А.П. Еремеевой, С.И. Львовой, Н.М. Шанского и др. При этом ученые-методисты рассматривают этимологический анализ как «приём обучения русскому языку, который чаще всего реализуется в виде элементарного этимологического разбора, с большими упрощениями и неизбежными неточностями, с опорой почти исключительно на языковое чутьё» [Шанский 1978: 244]. При его систематическом использовании учащиеся овладевают им как методом лингвистического анализа, помогающим вскрывать значение слова, его образные свойства и написание [Власенков 1973: 235]. Кроме того, этимологический анализ широко используется при

формировании у школьников познавательного интереса к русскому языку как учебному предмету, способствует развитию у них абстрактного мышления.

А.И. Власенковым, Н.М. Шанским неоднократно отмечалось, что использование этимологического анализа способствует знакомству ученика с правилами создания новых слов, раскрытию семантики слова, выявлению его художественно-выразительных возможностей и образной сути. Приведём пример выявления этимологии слова *виртуальный*:

«В наше время компьютерных технологий слово *виртуальный* стало очень популярным, несмотря на то, что пришло в русский язык сравнительно недавно. Его происхождение выяснено не до конца. Это слово имеет длительную и интересную историю и уходит своими корнями вглубь веков.

Слово *виртуальный* заимствовано русским языком из английского. Английское *virtual* в переводе означает «возможный, реальный, действительный, потенциально возможный». Это слово произошло от среднелатинского слова *virtualis*, которое восходит к латинскому *virtus*. Латинское *virtus* имело значение «мужество, доблесть, совершенство». Это качество, по мнению римлян, вмещало в себя военное мужество и ревностное исполнение гражданского долга. Слово *virtus* очень часто употреблялось в древнеримской литературе при описании военных сражений и боевой доблести воинов.

Уже в средние века слово *виртуальный* в английском языке имело значение «невидимая сила, которая действует незаметно» и употреблялось в противоположность «реальному». Ещё одно из прежних значений прилагательного *виртуальный* в английском языке – «эффективный».

Слово *виртуальный* использовалось как термин во многих науках. Со временем оно стало употребляться по отношению ко всему, что делалось с помощью компьютера. Позже термин *виртуальный* стал общеупотребительным и получил широкое распространение.

В русском языке слово *виртуальный* первоначально употреблялось в контексте лексики, связанной с компьютером. Однако затем произошло расширение его значения. В настоящее время существует множество словосочетаний с этим прилагательным: *виртуальный мир, виртуальное общение, виртуальный роман, виртуальное путешествие* и т. д.»

Рассматривая цель этимологического анализа в аспекте орфографии, можно утверждать, что данный прием обучения языку призван формировать у школьников осознанное отношение к правилам современного написания слов, способствовать целенаправленному развитию их лингвистической интуиции [Львова 2002: 126–127]. Обратимся к этимологии слова *экстремальный*:

«При написании модного в настоящее время слова *экстремальный* очень часто

возникает вопрос, какой гласный нужно писать в корне слова, *е* или *и*? Многие в качестве проверочного пытаются использовать иноязычное слово *экстрим*. Но правы ли они?

Слово *экстремальный* пишется через *е*. Оно пришло к нам из французского языка. Французское слово *extrême* восходит к латинскому *extremus*, которое означает «крайний, конечный». В современном языке слово *экстремальный* имеет значение «крайний, предельный, необычный по трудности, сложности».

А как же слово *экстрим*? Оно было заимствовано совсем недавно из английского языка и происходит от английского слова *extreme*, означающего «чрезвычайный, исключительный».

Как мы видим, эти слова пришли в русский язык в разное время из разных языков. Кроме того, слово *экстремальный* не является производным от слова *экстрим*. Следовательно, слово *экстрим* не может быть проверочным при написании заимствованного слова *экстремальный*. Напомним, что в корне слова *экстремальный* мы пишем гласный *е*.

Следование моде в языке предполагает в сознании школьников приобщение к самым лучшим и престижным образцам. Однако в реальной языковой практике отмечаются диаметрально противоположные результаты. В этом случае этимологический анализ слова призван повышать культуру речи и общую языковую культуру учащихся. Приведём пример этимологической справки:

«Слова *креатив, креативный* используются в настоящее время носителями русского языка буквально везде и всюду. Они буквально заполнили нашу речь. Креативный человек, креативная идея, креативный подход, креативное мышление, креативная модель, креатив в музыке – вот далеко не полный перечень их использования. Каково же происхождение слова *креатив* в русском языке?

Слово *креатив* пришло в русский язык в 1990-х годах XX века благодаря специалистам из сферы рекламы. Оно является калькой с английского слова *creative* «творчество, творческий». Интересно, что английское *creative* происходит от латинского слова *creatio*, что означает «сотворение, создание».

Слово *креатив* в русском языке первоначально употреблялось в сфере бизнеса, а именно в рекламных текстах, в значении «создание новых по замыслу культурных и материальных ценностей». Свой отказ от русского слова *творчество* специалисты из сферы рекламы объясняют тем, что слово *креатив* в их сообществе является своеобразным термином, связанным с производственным процессом, поставленным на «конвейер», – производством идей.

Постепенно слово *креатив* проникло во все сферы нашей современной жизни. Сейчас оно широко употребляется не только молодёжью, склонной внедрять в свою речь модные

словечки, но и серьёзными, хорошо образованными людьми средних лет. И всё-таки в речи человека, не связанного с рекламой, слова *креатив* и *креативный* применительно к самым обычным вещам очень часто звучат неуместно и являются образом не самого лучшего вкуса. Ведь в русском языке достаточно своих слов, чтобы описать создание чего-то нового и необычного».

Таким образом, применение этимологического анализа в процессе обучения русскому языку способствует росту общей языковой культуры учащихся, глубокому усвоению ими лексических богатств, формированию у школьников осознанных орфографических навыков. Данный приём обучения помогает школьникам грамотно осмыслить суть процессов, происходящих в языке, способствует осознанному овладению живым русским языком современности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Власенков, А.И. Общие вопросы методики русского языка в средней школе / А.И. Власенков. – М.: Просвещение, 1973. – 384 с.
2. Иванова, В.А. Тайны родного языка / В.А. Иванова. – Волгоград: Н.-Волж. кн. изд., 1969. – 304 с.
3. Львова, С.И. Русское правописание: орфография и пунктуация / С.И. Львова // Программно-методические материалы: Русский язык. 10–11 классы / сост. Л. М. Рыбченкова. – М.: Дрофа, 2002. – С. 126–139.
4. Шанский, Н.М. В мире слов / Н. М. Шанский. – М.: Просвещение, 1978. – 319 с.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ ТАТАРСКОГО ДИСКУРСА КАК ПОКАЗАТЕЛИ ЭТНОСПЕЦИФИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ

А.Д. Климентьева
Университет Российской академии образования (Астраханский филиал)

Современная лингвистика переживает период активного развития теории коммуникации в русле комплексного изучения взаимодействия человека и культуры. В последние годы во всех частных языковедческих исследованиях интенсивно разрабатываются проблемы когнитивного, лингвокультурологического, страноведческого плана. В связи с этим вошло в практику и понятие фразеологической картины мира как части языковой картины мира. Во фразеологической картине мира основу составляют ономастопозитивные концепты – единицы этноязыкового сознания, репрезентирующие его этносемантическую специфику.

Изучение фразеологизмов на предмет содержания специфических кодов является

наиболее результативным, так как именно в них, в первую очередь, содержится культурно значимая информация, а степень и характер насыщенности сравниваемых языков эквивалентными единицами позволяет судить об идентичности, близости или оригинальности сравниваемых лингвокультур.

ФРАЗЕОЛОГИЗМ (фразеологическая единица, идиома) – устойчивое словосочетание, значение которого невыводимо из значений составляющих его компонентов, например: "собаку съезд" (в чем, на чем и т.п.) – быть знакомым в каком-либо деле, иметь большой навык, опыт в чем-либо. (Современная русская энциклопедия)

Фразеологизмы существуют на протяжении всей истории языка. Уже с конца 18 века они объяснялись в специальных сборниках и толковых словарях под различными названиями (крылатые выражения, афоризмы, идиомы, поговорки и пословицы). Еще М. В. Ломоносов, составляя план словаря русского литературного языка, указывал, что в него должны войти «фразесмы», «идеоматизмы», «речения», то есть обороты, выражения. Однако фразеологический состав русского языка стал изучаться сравнительно недавно.

До 40-х годов 20 века в работах отечественных языковедов А.А. Потебней, И.И. Срезневского, Ф.Ф. Фортунатова, А.А. Шахматова и других можно было найти только отдельные мысли и наблюдения, касающиеся фразеологии.

Создание базы для изучения устойчивых сочетаний слов в современном русском литературном языке принадлежит академику В.В. Виноградову. Именно им впервые была дана классификация фразеологических оборотов русского языка с точки зрения их семантической слитности и намечены пути их дальнейшего изучения. С именем Виноградова связано возникновение фразеологии как лингвистической дисциплины в русской науке. В настоящее время фразеология продолжает своё развитие. До сих пор среди фразеологов нет полного единства в определении фразеологизма в современном языковедении. Некоторые исследователи (А.И. Ефремов, С.И. Ожегов) считают целесообразным разграничивать понятие фразеологии в узком и широком смысле слова. В узком смысле к фразеологии они относят только идиомы (устойчивые сочетания, значения которых не определяются значениями входящих в них слов). В широком смысле в состав фразеологии включают все устойчивые выражения, в том числе пословицы, поговорки и «крылатые слова». Согласно лингвисту Н.М. Шанскому, понимающему фразеологию в широком смысле, фразеологический оборот представляется как «воспроизводимая в готовом виде языковая единица, состоящая из двух или более ударных компонентов словного характера, фиксированная, то есть постоянная по своему значению, составу и структуре». Фразеологизмы обладают лексическим значением и характеризуются лексической неделимостью. Они означают понятие, явление, качество, состояние, признак, поэтому

нередко фразеологизмы синонимичны словам: на каждом шагу – повсюду, прикусить язык – замолчать, правая рука – помощница. При взаимодействии народов, нередко происходят различного рода заимствования. И заимствования фразеологизмов – показатель наибольшего сближения языковых союзов. Россия исторически славилась многонациональностью и, соответственно, фразеологические заимствования для народов, населяющих данный ареал, явный показатель ассимиляции народов.

Татары являются вторым по численности этносом и самым многочисленным народом мусульманской культуры в Российской Федерации.

Татарский этнос имеет древнюю и яркую историю, тесно связанную с историей всех народов Урало-Поволжья и в целом России.

Самобытная культура татар достойно вошла в сокровищницу мировой культуры и цивилизации.

Следы ее мы находим в традициях и языке русских, мордвы, марийцев, удмуртов, баншир, чувашей. В то же время национальная татарская культура синтезирует в себе достижения тюркских, финно-угорских, индоиранских народов (арабов, славян и других).

Татары – один из самых подвижных народов. Из-за безземелья, частых неурожаев на родине и традиционной тяги к торговле еще до 1917 года они стали переселяться в различные регионы Российской империи, в том числе в губернии Центральной России, на Донбасс, в Восточную Сибирь и Дальний Восток, Северный Кавказ и Закавказье, Центральную Азию и Казахстан. Этот миграционный процесс усилился в годы советского правления, особенно в период "великих строек социализма". Поэтому в настоящее время в РФ практически нет ни одного субъекта федерации, где бы ни жили татары. Еще в дореволюционный период образовались татарские национальные общины в Финляндии, Польше, Румынии, Болгарии, Турции, Китае. В результате распада СССР в ближнем зарубежье оказались татары, жившие в бывших союзных республиках – Узбекистане (467,8 тыс.), Казахстане (327,9 тыс.), Таджикистане (72,2 тыс.), Киргизии (70,5 тыс.), Туркмени (39,2 тыс.), Азербайджане (28 тыс.), Украине (86,9 тыс.), в странах Балтии (14 тыс.). Уже за счет эмигрантов из Китая, Турции и Финляндии с середины XX века образовались татарские национальные диаспоры в США, Японии, Австралии, Швеции [Абдуллина. Л.Р. 2007: 399-402].

По мнению многих историков, татарский народ с единым литературным и практически общим разговорным языком сложился в период существования огромного тюркского государства – Золотой Орды. Литературным языком в этом государстве был так называемый "идель теркисе" или старотатарский, основанный на кипчакско-булгарском (половецком) языке и вобравший в себя элементы центральноазиатских литературных

языков. Современный литературный язык на основе среднего диалекта возник во второй половине XIX и начале XX веков.

Татарский дискурс – один из самых емких и метких. В его состав входит большое число заимствованных фразеологизмов из русского, тюркского, арабского и других языков. Наиболее яркими носителями этноспецифической информации, несомненно являются фразеологизмы, содержащие так называемые лингвокультуремы, безэквивалентные единицы. К таковым можно отнести этнографизмы, антропонимы, топонимы и т.д., так как именно они наиболее явно связаны с реалиями. [Ахунжанов Г.Х. 1972:118 с]. Например, в татарской фраземике активно используется название *Идел* – Волга: *идел батман Идел сум* (булк. волжская вода – пятьдесят пудов) – о жидком супе или чае; *Идел бер, чиммесе – мен* (Волга одна, а родников – тысяча); *идел кичми ир булмас* (не станет мужичной, пока не переправится через большую реку); *идел курши итек салмайлар* (не увидев реки не разувоятся) и т.д., также насчитывается огромное количество фразеологизмов и паремий с компонентом "конь", например: *аты булса, йогане табылар* был бы конь, а удючка найдется; *ат авсын дагагаанда бакса ботын кыстыра* коня куют, а жаба лапу подставляет; *атта ут юк, кошта сөт юк* у лошади нет желчи, а у птицы молока; *ат азгыны тайса иро* (булк. непутевый конь идет за жеребенком) – о неподобающем поступке взрослого человека и т.п. [Арабско-татарско-русский словарь под ред. К.З.Хамзина-Казань:794]

Исследование фразеологизмов еще раз показывает, что актуальные для каждого языкового сообщества представления о мире неизбежно отражаются в языке этноса в виде концептуальных понятий, которые реализуются в первую очередь на лексико-фразеологическом уровне. Национально-культурная семантика языка – это результат истории, включающей и историю культуры, и чем богаче история народа, тем ярче и содержательнее единицы языка.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Абдуллина Л.Р. Функционирование глагольных фразеологических единиц в общественно-политической газете «Ватаным Татарстан» / Л.Р. Абдуллина // Современные языковые процессы в Республике Татарстан и Российской Федерации: Законодательство о языках в действии: Материалы Всероссийской научно-практич. конф., посвященной 15-летию принятия закона о языках. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2007. – С. 399-402.
2. Ахунжанов Г.Х. Татар теленен идиомалары / Г.Х. Ахунжанов. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1972. – 118 с.
3. Арабско-татарско-русский словарь под ред. К.З.Хамзина - Казань, 794 стр.

МОДАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА СО ЗНАЧЕНИЕМ СОМНЕНИЯ В ПОЭМЕ Н.В. ГОГОЛЯ
«МЕРТВЫЕ ДУШИ» И В ЕЕ ПЕРЕВОДАХ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Л.В. Коковина
Балтийский федеральный университет им. И. Канта

Современная эпоха актуализировала многие процессы в языке. И не смотря на тот факт, что еще Шарль Балли подробно разработал теорию модальности, она до сих пор является объектом пристального изучения как отечественных, так и зарубежных лингвистов. Особую актуальность теория модальности приобретает в контексте лингвистики текста. И это вполне закономерно, поскольку текст, «являясь искусственно организованной структурой, материализованным фрагментом специфической гносеологической и национальной культуры этноса, передаёт определённую картину мира и обладает высокой силой социального воздействия. Текст как идеей реализует, с одной стороны, имманентные черты определённой системы языка, с другой, - представляет собой результат индивидуального отбора языковых ресурсов, соответствующих эстетическим или прагматическим целям писателя» [Базалина 2000:75]. Как справедливо замечает Л.Г. Бабенко, текст «пронизан субъективностью и антропоцентрическими устремлениями, а антропоцентричность выражается в речи и как субъективно-модальное значение» [Бабенко 2000:66].

С учетом сложности и многоаспектности категории модальности, которая, по мнению С.С. Ваулиной, состоит «из двух содержательно разнородных пластов – пропозиционального (онтологического) и прагматического (гносеологического)» [Ваулина 1993:17], естественно возникает вопрос о специфике ее выражения в разных языках. И как это совершенно правильно указывает В.Г. Гак, «привлечение результатов межязыкового сопоставительного анализа, обнаруживающего способы описания однотипной ситуации средствами разных языков, позволяет определить национально-специфические особенности языковой картины мира писателя и переводчика» [Гак 1979:10].

В данной статье рассматривается модальная лексика, актуализирующая семантику сомнения говорящего в сообщаемом, анализируется степень адекватности ее представления в текстах английских переводов. При анализе примеров мы учитывали замечание Т.А. Казаковой о том, что «лексический конфликт в переводе возникает не столько потому, что существуют объективные словарные разногласия между двумя языками, сколько потому, что существуют объективные семиотические разногласия между двумя мыслящими (творческими) личностями» [Казакова 2006:80]. Материалом для исследования послужила поэма Н.В. Гоголя «Мертвые души» и два ее перевода на английский язык, выполненные в разное время.

Ограниченный объем статьи не позволяет привести примеры всех экспликативных, используемых для выражения модального значения сомнения, поэтому остановимся только на некоторых, наиболее часто встречающихся в тексте оригинала.

Как показал контекстуальный анализ исследуемых примеров, одними из типичных средств выражения сомнения говорящего являются построения с вводными словами, вводными сочетаниями слов и вводными предложениями. Наиболее частотными являются вводные слова: *кажется/казалось (бы), (как) видно, по-видимому*.

Особого внимания заслуживает модальное слово *кажется*. В английских версиях оно переводится как *seem* или его синоним *appear* «кажется», кроме того, используется доминанта английского микрополя возможности модальный глагол *may* в сочетании с глаголом *be* «может быть» или наречие *maybe* (с тем же значением), а также вводные слова *however* «однако, тем не менее», *apparently* «очевидно», *to tell the truth* «по правде говоря».

Ср.: «Но в эту приятность, *казалось*, чересчур было передано сахару» (329)¹; «But that amiability was a quality into which there entered too much of the sugary element» (21)²; «But that pleasingness *seemed* mixed with a large dollop of sugar» (24)³. Во второй версии перевода русское *казалось* передается его прямым соответствием в английском языке глаголом *seemed*, а в первой версии вообще отсутствует перевод данного слова. Тем самым утверждение звучит вполне уверенно, без элемента сомнения, что не соответствует замыслу автора.

В следующем примере эквивалентность перевода присутствует в обеих версиях. Второй переводчик традиционно использует глагол *seem*, первый - его синоним *appear*. Ср.: «Бабы, *казалось*, были между собою в соре и за что-то перебраивались» (327); «The women *appeared* to have course of dispute between themselves – to be rating one another about something» (20); «The women *seemed* to be quarreling and exchanging angry words about something» (23).

Далее, приведём несколько примеров, демонстрирующих разность подходов переводчиков при передаче модального значения сомнения. Ср.: «День, *кажется*, был заключён порцией холодной телятины, бутылкою кислых шей и крепким сном во всю насосную завёртку» (319); «And brought the day to a close with a portion of cold veal, a bottle of pickles, and a sound sleep» (10); «His day, *it seems*, was concluded with a portion of cold veal, a bottle of sparkling kvass and a sound sleep» (10). В первой версии перевода мы наблюдаем, отсутствие семантики сомнения, утверждение звучит категорично. В нижеследующем

¹ Здесь и далее цит. по: Н. Гоголь. Повести. Пьесы. Мертвые души. М.: Художественная литература, 1975. В круглых скобках указывается страница издания, из которой извлечен пример.

² Здесь и далее цит. по: Nikolai Gogol Dead Souls, Dover Publications, New York. Translated by D.J. Hogarth. 2003. В круглых скобках указывается страница издания, из которой извлечен пример.

³ Здесь и далее цит. по: Nikolai Gogol Dead Souls, Penguin Classics, London. Translated by Robert A. Maguire. 2004. В круглых скобках указывается страница издания, из которой извлечен пример.

примере первый переводчик использует вводное слово *apparently* «очевидно», которое по своей семантике передает скорее некоторую уверенность, чем сомнение, выраженное в тексте оригинала фразой «как казалось». Второй переводчик использует глагол «*seem*». Ср.: «Когда половой всё еще разбирал по складам записку, сам Павел Иванович Чичиков отправился посмотреть город, которым был, как казалось, удовлетворён, ибо нашёл, что город никак не уступал другим губерским городам» (318); «The waiter had just time to accomplish this feat before Paul Ivanovitch Chichikov set forth to inspect the town. *Apparently* the place succeeded in satisfying him, and, to tell the truth, it was it least up to the usual standard of our provincial capitals» (8); «While the houseman was still deciphering the note, syllable by syllable, the self-same Pavel Ivanovich Chichkov set off to have a look at the town, with which he *seemed to be* satisfied, since found it in no way inferior to other provincial capitals» (9).

Таким образом, как мы видим из представленных примеров, второй переводчик использует при переводе русского глагола *кажется/казалось* в его модальном значении прямой эквивалент, а именно глагол *seem*. Второй переводчик либо вообще избегает перевода вышеуказанного глагола, либо пользуется эквивалентами, по семантике отстоящими дальше от глагола *казаться*, что делает первый вариант перевода более категоричным, передающим большую уверенность автора в его высказываниях.

Несомненный интерес представляет собой анализ таких репрезентантов со значением сомнения, как *может быть* и *можно*. Для их перевода, в основном используются прямые эквиваленты: модальный глагол *may/might* (выражает возможность, предположение), вводное слово *perhaps* «возможно». В тексте Гоголя степень сомнения, передаваемая с помощью маркеров *можно* и *может быть*, часто усиливается такими репрезентантами как *бог ведает/богу известно*.

Ср.: «Есть род людей известных под именем: люди так себе, ни то ни сё, ни в городе Богдан, ни в селе Селифан, по словам пословицы. *Может быть*, к ним следует прикнуть и Манилова» (328); «A class of men exists whom the proverb has described "men unto themselves, neither this – nor that – neither Bogdan of the city nor Selifan of the village". And to that class we had better assign also Manilov» (21); «There are a species of people who are known as "just plain folks", neither one thing nor another, or, as the saying has it, "neither fish nor fowl"! It *may be* that Manilov should be included among their number as well» (22). В первой версии перевода мы наблюдаем уже выявленную нами тенденцию, а именно отсутствие перевода модального выражения *может быть*. Во второй – прямой эквивалент *may be*.

Следующий пример также иллюстрирует разные способы перевода модального выражения *может быть*. Ср.: «Маниловка, *может быть*, а не Заманиловка?» (327); «*Perhaps* you mean Manilovka – not Zamanilovka?» (19); «Manilovka *mebbe*, and not

Zamanilovka?» (22). В первой версии – *perhaps* (возможно), во второй – эквивалент.

Очень редко две версии перевода совпадают. Ср.: «Что думал он в то время, когда молчал, – *может быть*, он говорил про себя» (325); «Yet of what was he thinking as he remained thus silent? *Perhaps* he was saying to himself» (18); «What was he thinking while he was keeping his counsel – *perhaps* he was saying to himself» (20). Русское *может быть* передается английским наречием *perhaps* «возможно».

Помимо вводных слов для выражения сомнения в поэме используются частицы *разве*, *неужели*, *что ли*, *вряд ли* и т.п. Это частицы со значением сомнения, предположения, как правило, присутствуют в вопросительных предложениях, что еще больше усиливает долю сомнения говорящего. Ср.: «Что ж *разве* это для вас дорого?» (392); «Yes! Is that too much for you?» (91); «What's the matter, is that too much for you?» (112). «Да что же я дурак *что ли?*» (376); «What do you mean, you fool?» (74); «But what do you take me for, a fool?» (89). Представленные примеры показывают, что в текстах перевода использован прием логической трансформации. Частица *разве*, например, передается усилением слова *дорого* с помощью наречия *too* «слишком», что можно рассматривать как адекватную замену. Частица *что ли* при переводе не сохраняется. Утверждение звучит категорично и уверенно, адекватность перевода нарушена. Далее, посмотрим на пример с частицей *вряд ли* «...а деревни все не было видно, и если бы не два мужика, попавшие навстречу, то *вряд ли* бы довелось им потрафить на лад» (327); «...but the sixteenth verst stone flew by, and the said country house was still nowhere to be seen. In fact, *but for* the circumstance that the travellers happened to encounter a couple of peasants, they *would have come on* their errand in vain» (19); «...and there was still no sign of the estate, and if it *had not been for* two muzhiks, who happened along, they *would never have managed* to hit upon the right road» (22). Как мы видим, в обеих версиях перевода частица *вряд ли* передается исключительно с помощью приема логической трансформации, оба переводчика используют условные предложения третьего типа (the third conditional). Данный тип условных предложений обозначает нереальные условия, относящиеся к прошлому.

Еще одно средство выражения сомнения – сочетание двух одинаковых словоформ с отрицанием при второй или при обеих формах в составе противительной или уступительной конструкции. Такие конструкции имеют значение смягченного неуверенного отрицания. Ср.: «даже самая погода весьма кетати послужила: день был *не то* ясный, *не то* мрачный, а какого-то светло-серого цвета» (328); «And even the weather was in keeping with the surroundings, since the day was *neither* dull nor clear, but of the grey tint» (20); «Even the weather itself had proved most befittingly obliging: the day was not quite clear, *not quite* overcast, but of a certain light-grey hue» (23). Как видно из примера, в первой версии перевода конструкция не

то ясный, не то мрачный передается лексемой neither...nor, что соответствует русскому ни...ни и имеет значение категоричного отрицания, в то время как не то... не то имеет значение мягкого, неуверенного отрицания. Во второй версии перевода отрицание смягчается лексемой quite «вопие, достаточно», что является более адекватным тексту оригинала.

При анализе других средств выражения модального значения сомнения, выявленные выше тенденции сохраняются.

В заключение следует ещё раз указать на тот факт, что модальность, особенно субъективная модальность, является сложной семантической категорией, и средства её выражения при переводе на другой язык требуют от переводчика большого мастерства.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бабенко Л.Г., Васильев И.Е., Казарин Ю.Б. Лингвистический анализ художественного текста. Екатеринбург. 2000. С. 66-67.
2. Базалина Е.Н. Художественный текст и модальность // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 2000. №7. С. 75-76.
3. Ваулина С.С. Языковая модальность как функционально-семантическая категория (диасинхронический аспект). Калининград: Издательство Калининградского университета, 1993.
4. Гак В.Г. Сопоставительные исследования и переводческий анализ. Тетради переводчика. М.: Наука, 1979, вып. 16.
5. Казакова Т.А. Художественный перевод: в поисках истины. – СПб.: Издательство СПбГУ, 2006. – 224 с.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СИНЕСТЕЗИЧЕСКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

И.Б. Левчина
Военно-морской инженерный институт

Материалом данного исследования являются английские качественные прилагательные hot, warm, cool, cold, находящиеся в градуально антонимических отношениях. Они относятся к классу сенсорных, и в своем первом, номинативно-непроизводном значении характеризуют предметы с точки зрения температуры их поверхности, т.е. апеллируют к тактильному восприятию человека.

Цель данного анализа состоит в исследовании эволюции семантической структуры этих прилагательных. Для этого при формировании дефиниций и толкований используются наиболее общие стереотипы и ассоциации, связанные с указанными прилагательными.

Принято считать, что вся семантическая структура слова строится на номинативно-непроизводном значении. Кроме того, следуя Ю.Д. Апресяну, его можно считать «нетривиальным признаком», который содержит в себе несколько сем, общих для всех ЛСВ. В данном случае им можно считать признак "having a (fairly) high/low temperature".

В результате проведенного анализа содержательным ядром (минимальным пучком необходимых признаков, присутствующих во всей семантической структуре слова) оказывается первое (номинативно-непроизводное) значение "having a (fairly) high/low temperature" и, соответственно, вся структура может рассматриваться, в конечном итоге, как мотивированная именно этим значением.

Привлекают внимание некоторые особенности развития семантической структуры. Прослеживается постоянное уточнение номинативно-непроизводного значения и его ЛСВ, отражающее развитие восприятия мира как чего-то диффузного к его дискретному восприятию. Примером этого могут служить варианты значения hot "full of enthusiasm; ardent, passionate" и варианты значения "attended with feverish or violent exertion, suffering, discomfort (about conflict, epidemics; place)". Два варианта этих значений появились при помощи расширения и сужения круга объектов, соотносимых с исходными вариантами: один ("arousing or experiencing sexual excitement") обозначает конкретное состояние возбуждения, а второй ("attended with feverish or violent exertion, suffering, discomfort") относится к неприятным ситуациям вообще. Эта же тенденция проявляется и при метафорических переносах, основанных на уподоблении областей восприятия от простейших к более сложным: от тактильных качеств на абстрактные понятия чувств, психических состояний и т.п. (при этом стоит отметить тот факт, что значения, связанные с внутренним миром, появляются раньше, а связанные с конкретными предметами – позже).

Сюда же можно отнести и значения "very good; possessing or showing an unusual skill!" и "very lucky or effective" с отождествлением «горячего» и «хорошего», а также значения "connected with something illegal", "charged with electricity" и "radioactive", с отождествлением «горячего», «опасного» и «злохого».

Рассмотрев семантическую структуру прилагательных, можно сделать следующие выводы.

В большинстве случаев наблюдаются двойные переносы: метафорические значений с последующей метонимией. Часть метафорических основана на уподоблении соматических ощущений тактильным, а часть – на уподоблении признаков одной сферы восприятия признакам другой. Метонимические переносы базируются на связи соматического ощущения (состояния эмоционального возбуждения) с ощущением повышения температуры и наоборот, в результате чего состояние возбуждения называется именем тактильного признака. В

результате таких сдвигов тактильные ощущения переносятся на абстрактные понятия: различные чувства (любовь, ненависть и т.д.), возбуждение, события, ситуации.

Which I could not have known, if the Marquis were not a very **warm** Talker (= his emotions when he talks are as intense as a fairly high temperature of a heated object (мф); when someone experiences strong emotions, his temperature rises (мтн), and sometimes farther than he intended.)

Значение "ardent, zealous, keen; eager, excited, heated; hot-tempered, angry (of persons, party-feeling, controversy, etc.*)" появилось в результате двойного переноса:

а) метафора, основанная на сравнении соматического ощущения (warm feeling) с тактильным (warm hand);

б) метонимия: любое состояние эмоционального возбуждения сопровождается ощущением повышения температуры:

warm hand → warm feeling (мф)

"warm" excitement (мтн)

Значение "not strong, faint; weak (said of scent in opposition to 'hot' or 'warm')*" - результат двойного переноса:

а) метафорический перенос значения "having a low temperature" из области тактильной в область обоняния на основе сравнения интенсивности;

б) метонимия: чем слабее запах, тем труднее уловить его.

cold metal → "cold" smell (мф)

cold (difficult to find) smell (мтн)

The object is to obtain a fine nose [in a dog], so as to hunt a **cold** scent (= the intensity of scent is as low as a temperature of a frozen object (мф) and therefore difficult to follow (мтн))

За ними следуют случаи причинно-следственной метонимии и метафоры. Любопытно отметить, что т.н. синестезические метафоры, за исключением зрительной метафоры, представляют собой случаи двойного переноса. В данном случае, вероятно, метонимия присутствует в скрытом виде.

Значение "between 'warm' and 'cold'; containing low-toned red or yellow (of colours)" представляет собой метафорический перенос из области тактильной в область зрительного восприятия: **cool hand → cool colour (мф)**. Цвета серо-зелёно-голубой гаммы обычно ассоциируются с периодами суток и года с наиболее низкой температурой воздуха. При приближении более теплого периода суток (дня) к этим цветам добавляются цвета желто-красной гаммы, ассоциируемые с теплом. Исходя из этого, такие цвета стали называть "cool": Would you like to take this **cool** green dress? (= a dress colour of which is similar to that of the noon

or dawn sky when the air has a fairly low temperature).

Необходимо также отметить наличие случаев расширения, сужения, а особенно двойных переносов с последующей метонимией. К примеру, *colloq.* Big (applied to a large sum of money): My table alone stands me in a **cool** thousand a quarter (the sum, counting which, a man needs the intensity of feelings as low as a temperature of a slightly frozen object (мф); when someone don't experiences strong emotions, his temperature remains quite low (мтн))

Значение вероятно появилось следующим образом:

а) метафора, основанная на сравнении соматического ощущения (cold feeling) с тактильным (cold object);

б) метонимия: состояние, когда нет эмоционального возбуждения, сопровождается ощущением понижения температуры и наоборот, в результате чего состояние спокойствия называется именем тактильного признака;

в) метонимический перенос "quality necessary for work with big money" → "big money requiring this quality when working with it".

cool object → cool feeling (мф)

"cool" (indifferent) emotions (мтн)

"cool" (big) money (мтн)

В ходе анализа удалось выделить следующую общую закономерность: перехода в сферу обозначения другого ощущения, синестезические прилагательные утрачивают свои первоначальные семантические компоненты и реализуют отвлеченные количественные и качественные значения, выражая соответственно интенсивность и оценку. Это общий закон развития значений многих существительных, прилагательных, глаголов, наречий, которые при метафорическом переносе от выражения определенных признаков переходят к выражению более отвлеченных понятий - оценки качественной (приятно/неприятно) или количественной (много/мало). Ощущение порождает у человека определенную оценку - приятного или неприятного - и представление об интенсивности - большой и малой, которая сопоставляется с оценкой или интенсивностью, сопровождающими иное явление. Ср. *холодный прием* (= неприятно) или интенсивностью, сопровождающими иное явление. Ср. *холодный прием* (= неприятно), *теплый прием* (= приятно); *горячая любовь* (= интенсивная); *холодные чувства* (= слабые) и т.п.

Применяя в разговоре слова, люди производят и используют значения, не задумываясь о том, как это происходит. Хотелось бы отметить, что процессы, происходящие в мозге очень сложны, и часто невозможно определить их составляющие. В большинстве случаев основой образования нового значения считается тот перенос, который быстрее бросается в глаза, а побочные, но не менее важные ассоциации остаются в тени.

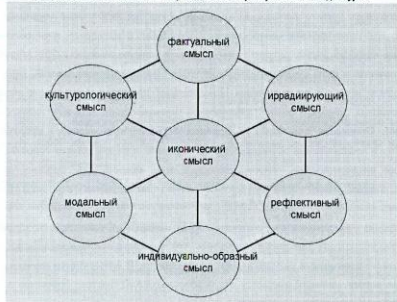
ПРАКТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ГАРМОНИЧНОГО ПЕРЕВОДА КИНОДИАЛОГА
(на примере перевода кинофразы из х/ф «Сибирский цирюльник»)

С.С. Назмутдинова
НП ВПО «Прикамский социальный институт», г. Пермь

В предыдущих работах была введена и обоснована переводческая категория гармонии как переводческого мировоззрения, управляющего сознанием переводчика, который стремится гармонизировать исходные смыслы дискурса с производными и транспонировать культурно-языковое целое из другой культуры в свою, или наоборот.

Гармония как переводческая категория введена в рамках Пермской лингвистической школы, работающей под руководством профессора, доктора филологических наук Л.В. Кушниковой. Научная концепция школы развивается как самостоятельное направление, в центре внимания которого лежит сознание переводчика и его деятельность по транспонированию синергии смыслов всех полей переводческого пространства кинодискурса, порождающих интегральный смысл любого типа дискурса: фактуального смысла, иррадирующего смысла, культурологического смысла, модального смысла, индивидуально-образного смысла, рефлексивного смысла, иконического смысла. В ранних исследованиях кинодискурса, на примере которого ведется настоящее исследование, было описано явление интегрального кино смысла, схематично представленное ниже:

Интегральный кино смысл в переводческом пространстве кинодискурса

Сопоставительное исследование кинодискурса на русском, английском, французском языках выявило возможность транспонирования всех смыслов в текстовых полях кинопереводческого пространства и полей авторов кинопереводческой коммуникации.

Достижение гармоничного перевода в процессе межязыкового и межкультурного взаимодействия покажем на материале кинодиалога из русско-англо-французского кинодискурса («Сибирский цирюльник» (1998) и его перевода с субтитрами:

Текст оригинала (английский язык)	Текст перевода (русские субтитры)	Текст перевода (французские субтитры)
-Come on, clip-clip, snip-snip, cut it really short!	Давай, давай! Чик-чик, вэстик-вэстик! Стриги покороче! Вот так! Чем короче, тем лучше!	Vas-y, vas-y! Tsc-tsc, dzig-dzig! Coupe bien court! Voilà! Plus c'est court mieux c'est! Qui qu'a permis de pendre là les portraits de vos souris?
Don't be afraid to cut it really close! There's no such thing as too short.	Это чья койка? Это не койка, а свиристель какой-то! Гадость!	Qui qu'a mis là et espèce de pouffasse?
Hey, who said that you can hang your pictures of your dames in here? Ha? Who hung this girl's picture?	Кто разрешил развешивать портреты своих мамзелей? Кто повесил эту лахушку?	
-It's Mozart, sir.	-Это Моцарт!	-C'est Mozart!
-Who?	-Кто?	-Qui?
-It's Mozart, sir.	-Это Моцарт, сэр.	-C'est Mozart, sir.
-Mozart! Which one of you is Mozart?	-Моцарт? Кто из вас тут Моцарт? Быстро два шага вперед!	-Mozart? Où qu'il est Mozart? Deux pas en avant, qu'ça saute!
Mozart! Front and center!	-Умер?! Когда? Ввод! Ко мне! Становись! Он умер?! Почему мне никто не доложил?	-Il est mort, sir.
-He's dead, sir.	Почему мне не доложили?	-Mort? Quand ça?
-He died?! When?	Почему мне не доложили?	Section, à moi! Former les rangs! Il est mort?
Company! Front and center now! He died?!	-Не могу знать, сэр.	Pourquoi qu'on m'a pas fait le rapport? Pourquoi, je demande?
Why didn't somebody report this to me?	-Почему мне никто не сказал?	
Why wasn't this reported to me?	-Я еще ничего не знаю, сэр.	-Je ne sais pas, sir!
-I don't know, sir.	-Моцарт – великий композитор, сэр. Он умер много	-Pourquoi que personne me l'a dit?

-Why didn't somebody tell me about this?	зет назад. --Ввод! На плачу! За две минуты в полной выкладке.	-Je suis un nouveau, sir.
-I don't know anybody here yet, sir.	Становись! Не забудьте свои противогазные маски!	-Mozart est un grand musicien, sir. Il y a longtemps qu'il est mort.
-Mozart was a great composer, sir. He died many years ago.	Выполняйте! Бегом марш! А ну жмите! Швеллись!	-Section, en place d'armes! 2 minutes pour l'équipement complet! Vous oubliez pas les masques à fumée! Exécutez! Au pas de charge! Et on se remue, nom d'un pétard!
-Company! Report to the parade ground! In two minutes, in full equipment including your masks! Do it! Move it! Move it!	Вы, умники, думаете, я не знаю, кто такой Моцарт? --Ну да, конечно, знаю ты. --Так вот! Срать я хотел на этого Моцарта! Ты! Повтори: срать я хотел на этого Моцарта!	Parc'que vous croyez, les grosses têtes, je sais pas qui c'est Mozart ?
I bet you smart alecks thought I didn't know who Mozart was?	Так вот! Снимай маску!	-C'est ça, tu le connais, c'est sûr.
-Yes, sure, you knew.	Так вот! Если хотите снять эти проклятые маски, повторять за мной: срать я хотел на этого Моцарта!	-Alors voilà! Je lui chie dessus moi, le Mozart! Tu répètes: je lui chie dessus le Mozart!
-Well, I don't give a shit about Mozart. You repeat after me: I don't give a shit about Mozart.	-Срать я хотел на этого Моцарта, сэр!	- Je lui chie dessus le Mozart, sir!
-I don't give a shit about Mozart, sir.	-Молодцы! Снимайте маски.	-Très bien. Ôte ton masque.
-Good. Take off your masks.		

В анализируемом кинодиалоге сержант критикует рядовых за нарушение дисциплины. Этот кинодиалог отличается высочайшим эмоциональным напряжением героев, тонкой иронией, использованием сленговой лексики, что создает переводчику дополнительные препятствия в переводческом пространстве кинодискурса.

Как показал анализ, переводчику удается преодолеть эти препятствия, гармонизировать смыслы всех взаимодействующих полей, добиваясь не только адекватного и эквивалентного выражения смыслов, но и их гармоничности. Отметим, что порождение

гармоничного перевода – сложный процесс, который естественным образом включает в себя и адекватность, и эквивалентность. Так, в переводе данного кинодиалога с английского языка на русский и французский можно назвать следующие примеры адекватности:

1. (англ.) It's Mozart. 2. (русск.) Это Моцарт. 3. (фр.) C'est Mozart!
1. (англ.) He died?! When? 2. (русск.) Умер?! Когда?

Представленные примеры адекватности иллюстрируют формирование фактуального смысла в содержательном поле переводческого пространства кинодискурса.

Назовем также примеры проявления эквивалентности:

1. (англ.) He died many years ago. 2. (фр.) Il y a longtemps qu'il est mort.

1. (англ.) Good. Take off your masks. 2. (русск.) Молодцы! Снимайте маски. 3. (фр.) Très bien. Ôte ton masque.

Наибольший интерес представляет анализ гармоничности. Попытаемся пояснить, как происходит транспонирование синергии всех смыслов в процессе межязыкового и межкультурного взаимодействия субъектов.

Во-первых, в аудиовизуальном поле формируется иконический смысл: внимание реципиента привлекает портрет В.А. Моцарта, который грубому сержанту напоминает «dame», «girl», «мамзель», «лахудра», «souris», «pouffiasse» (см. рис.1):

Рис.1

Представим результаты дефиниционного анализа выделенных в первом субтитре лексем:

Dame (англ.) – 1) а) хозяйка дома б) жена или дочь лорда в) официальный титул жены баронета или рыцаря г) титул женщины, награжденной орденом Британской империи д) содержательница пансионата для мальчиков в Итоне 2) а) пожилая женщина б) (амер.сл.) женщина

Girl (англ.) – девочка; дочка; девушка, молодая женщина.

Mamzelle (русск.) – употребляется как обращения или форма вежливого упоминания по отношению к незамужней женщине во Франции и в некоторых других странах, обычно

присоединяемое к фамилии или имени.

Лахура (русс.) – (сл.) неопрятная, неухоженная женщина.

Souris (франц.) – 1) мышь 2) мясистая часть задней ножки (баранины) 3) молодая женщина; девушка 4) жена, любовница, подруга.

Pouffiasse (франц.) – 1) перхоть, грязь, бабища 2) (сп.) проститутка [Abbyu Lingvo 10].

Проанализированные лексемы иллюстрируют как совпадение, так и расхождение значимостей, однако можно выделить ядерные значимости, обеспечивающие их межкультурное и межкультурное взаимодействие: женщина (сл.), девушка, неопрятная, неухоженная женщина, перхоть.

Во-вторых, в кинодиалоге звучит музыка В.А. Моцарта, которая вдохновляет юного американского солдата и кроме иконического смысла создает интертекст, формирующий культурологический смысл фатического поля в виде контраста – грубые высказывания сержанта, вынужденное повторение грубостей солдатами и высказывания солдата, восхищающегося музыкантом:

(англ.)	(англ.)
Well, I don't give a shit about Mozart.	Mozart was a great composer, sir.
(русс.)	(русс.)
Так вот! Срать я хотел на этого	Моцарт – великий композитор, сэр.

Моцарта!

(фр.)	(фр.)
Alors voilà! Je lui chie dessus moi, le	Mozart est un grand musicien, sir.

Mozart!

В-третьих, кинодискурс обладает эмоциональным напряжением, порождая эмотивные иррадирующие смыслы, например:

(англ.) «clip-clip, snip-snip»; (русс.) «Чик-чик, вжик-вжик!»; (фр.) «Tsic-tsic, dzig-dzig!», (англ.) «I don't give a shit about Mozart»; (русс.) «Срать я хотел на этого Моцарта!»; (фр.) «Je lui chie dessus moi, le Mozart!».

В-четвертых, в поле переводчика формируются образы-гештальты музыкально одаренного солдата и безграмотного сержанта:

(русс.) солдат	(русс.) сержант
Моцарт – великий композитор, сэр.	Умер?! Когда? Взвод! Ко мне!
Он умер много лет назад.	Становись! Он умер?! Почему мне никто не доложил?

В-пятых, при переводе второго выделенного субтитра переводчики избирают просторечие, понятное как русскому, так и французскому реципиентам:

(англ.) - Well, I don't give a shit about Mozart. – (букв. Ну, я не даю черта о Моцарте).

(русс.) - Так вот! Срать я хотел на этого Моцарта!

(фр.) - Alors voilà! Je lui chie dessus moi, le Mozart! – (букв. Ну так вот, пошло этого Моцарта!)

В-шестых, модальный смысл в поле автора отражает иронию, заложенную в оригинале и транспонированную в обоих переводах:

(англ.) - Mozart! Which one of you is Mozart? Mozart! Front and center!

(русс.) - Моцарт? Кто из вас тут Моцарт? Быстро два шага вперед!

(фр.) - Mozart? Où qu'il est Mozart? Deux pas en avant, qu'ça saute!

Таким образом, транспонирование смыслов всех полей кинопереводческого пространства, включая культурологический смысл фатического поля, показало, что в каждом из них происходит гармонизация смыслов и взаимодействие значимостей, в результате чего «смысловой остаток» интегрируется в другую культуру. Кинодиалог становится релевантен не только для другого языка, но, главным образом, для другой культуры.

В ходе работы над пониманием значения гармонии как переводческого мировоззрения сложилась уровневая модель гармоничности, отражающая лингвокультурологическую прогрессию от уровня дисгармонии через адекватность и эквивалентность к гармонии. Дисгармония сопровождается столкновением или выпадением значимостей единиц лингвопереводческого анализа и трактуется как квазиперевод. Адекватность связана с поиском точных словарных соответствий, являющихся достаточным основанием взаимодействия значимостей двух языков, что иллюстрирует первый уровень гармоничности. Эквивалентность как второй уровень гармоничности достигается за счет использования межкультурных трансформаций, обеспечивающих взаимодействие значимостей двух языков на уровне субъектов переводческой деятельности.

Высший уровень гармоничности характеризуется межкультурным и межкультурным взаимодействием значимостей единиц, что сопровождается формированием культурологического дифференциального смысла в переводческом пространстве кинодискурса.

Лингвопереводческий анализ показал, что выбор гармонии в качестве переводческой категории необходим, если переводчик стремится к достижению качественного перевода. Гармония – это своего рода идеал процесса и результата перевода. С одной стороны, она не существует без адекватности и эквивалентности. С другой стороны, ни адекватность, ни

эквивалентность не могут быть признаны предельными категориями, детерминирующими качество перевода.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бодрова-Гонжемос, Т.И. Интерпретативная теория перевода: основные положения, понятия и дефиниции [Текст]/Т.И. Бодрова-Гонжемос/Социокультурные проблемы перевода: сб. науч. трудов: в 2 ч. – Вып. 7, ч. 1. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2006. – С. 42-51.
2. Бондарко, А.В. Грамматическое значение и смысл [Текст]/А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1978. – 176с.
3. Гарбовский, Н.К. Теория перевода [Текст]/Н.К. Гарбовский. – М., Изд-во МГУ, 2004. – 544с.
4. Горшкова, В.Е. Перевод в кино [Текст]/В.Е. Горшкова. – Иркутск: ИГЛУ, 2006. – 278с.
5. Иванова, Е.Б. Интертекстуальные связи в художественных фильмах [Текст]/Е.Б. Иванова (10.02.19 - теория языка): автореф. дис. канд. филол. наук. Волгоград, 2001. – 16 с.
6. Кушнина, Л.В. Взаимодействие языков и культур в переводческом пространстве: гештальт-синергетический подход [Текст]/Л.В. Кушнина. Автореф. дис. на соиск. уч. ст. филол. н., Челябинск, 2004. – 32с.
7. Кушнина, Л.В. Формирование переводческой компетенции как составляющей переводческой картины мира [Текст]/Л.В. Кушнина //Лингвистические чтения. - Материалы конференции – Пермь: ПСИ, 2006. – С. 5-6.
8. Кушнина Л.В., Назмудинова С.С. Категория значимости как основание гармонизации смыслов текста (дискурса) при переводе //Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 12./Федеральное агентство по образованию, ГОУ ВПО Пермский государственный университет. – Пермь, 2008. – С. 27-35.
9. Лотман, Ю. М., Цивьян, Ю. Г. Диалог с экраном [Текст]/Ю.М. Лотман, Ю.Г. Цивьян. — Таллинн, 1994. – 216с.
10. Мечковская, Н.Б. На семиотическом перекрестке: мотивы движения тела в невербальной коммуникации, в языке и метаязыке [Текст]/Н.Б. Мечковская//Логический анализ языка: Языки динамического мира. – Дубна, 1999. – С. 376-393.
11. Назмудинова С.С. Транспонирование кинематических образов при переводе //Гуманизация и гуманитаризация высшего образования и внеучебная работа в вузе: материалы IX всероссийской научно-практической конференции, 25 апреля 2007г./Пермск. гос. техн. ун-т, Гуманит. фак-т. – Пермь: Изд-во ПГТУ, 2007. – С. 66-70.

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СРЕДСТВ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ПРИ ОБРАЗОВАНИИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЛИЦА

Ю.В. Соловьева
Астраханский государственный университет

Сочетаемость производящих основ с суффиксами при образовании дериватов нередко сопровождается различными изменениями в звуковом составе основ, потому что «по законам русского языка на границе морфем не все сочетания звуков допустимы» [Земская 1989: 277].

Эти звуковые изменения на стыке сочетающихся значимых частей слова принято называть морфологическими явлениями (изменениями). К ним относят чередование фонем (морф изменяется, приспособляясь к началу другого), усечение производящей основы (конец производящей основы отсекается и не входит в производное слово), наложение (апликацию, интерференцию) морфов (конец одного морфа объединяется с началом другого при тождественности звукового состава этих отрезков), интерференцию (между двумя морфами вставляется незначимый (асемантический) элемент – интерфикс).

Известно, что использование средств морфологической адаптации наряду с другими условиями (аналогия, поиск наиболее приемлемых вариантов, совпадение сочетаемости свойств компонентов морфемария) влияет на способность словообразовательной категории (СК) создавать кодериваты. Средства морфологической адаптации позволяют расширить количество производящих основ, к которым может присоединиться тот или иной аффикс, в связи с этим возникает конкуренция служебных морфем.

Цель данной статьи – проанализировать, какие явления морфологического шва возникают при образовании суффиксальных существительных со значением лица на примере суффиксов *-чик (-чики)* и *-ист*.

Выбор этих суффиксов для сопоставления обусловлен тем, что они имеют пересекающиеся деривационные ареалы: каждый из этих морфемантов может образовывать производные слова с такими частными словообразовательными значениями, как 'тот, кто занимается тем, что названо производящей основой' (*тирищик, беллетрист*); 'тот, кто играет на музыкальном инструменте, названном производящей основой' (*балалайщик, гитарист*). Кроме того, данные суффиксы являются продуктивными и регулярными, и накопленный языком материал позволяет объективно проанализировать особенности данных аффиксов.

Помимо того что представленные суффиксы пересекаются семантически, они близки по сочетаемым свойствам. Рассмотрим на примере двух конкурирующих суффиксов морфологические условия выбора суффикса при образовании суффиксальных

существительных со значением лица.

Суффикс *-чик (-чик)* присоединяется к основам, финальные согласные звуки которых по месту образования являются переднеязычными зубными (*автомат + -чик → автоматчик*), губными (*аноним + -чик → анонимчик*) и переднеязычными переднеязычными (*закурить + -чик → закуричник*); по способу образования – шумными взрывными (*перекутить + -чик → перекутичик, летать + -чик → лётчик*), шумными фрикативными (*резать + -чик → режчик, бунтовать + -чик → бунтовчик*), шумными смычными (*загадать + -чик → загадчик*) и сонорными (*болеть + -чик → болельщик, вакуум + -чик → вакуумчик*).

Образование существительных со значением лица посредством суффикса *-чик (-чик)* может сопровождаться чередованием:

1) гласных в корне: *котёл → котельщик (о/е), подобрать → подборщик (и/о)*;

2) согласных на морфемном шве:

– парный твёрдый согласный / парный мягкий согласный: *водоканал → водоканальщик (а/я)*;

– иные случаи: *обжечь → обидчик (ж/д), кабак → кабатчик (к/т), сыск → сыщик (ск/ш).*

При присоединении суффикса *-чик (-чик)* могут усекаются финалы производящих основ: *обид(е)ть → обидчик, покуп(а)ть → покутичик, загадыв(а)ть → загадчик, гравиров(а)ть → гравировчик, экстремам(н)ый → экстраматчик, зенит(н)ый → зенитчик.*

Образование ряда производных с помощью суффикса *-чик (-чик)* сопровождается интерфиксацией: *везть → вез(ль)щик, вкзать → вкз(ль)щик, гадать → гад(ль)щик.*

Рассмотрим морфологические условия выбора суффикса *-ист* при образовании существительных со значением лица.

Суффикс *-ист* присоединяется к основам, финальные согласные звуки которых по месту образования являются переднеязычными зубными (*шахматы + -ист → шахматист*), переднеязычными нёбными (*массаж + -ист → массажист*), губно-губными (*служба + -ист → службист*) и заднеязычными (*очерк + -ист → очеркист*); по способу образования – шумными взрывными (*штаб + -ист → штабист*), шумными фрикативными (*фашизм + -ист → фашист*), шумными смычными (*пародия + -ист → пародист*) и сонорными (*футбол + -ист → футболист*).

Образование существительных со значением лица с помощью суффикса *-ист* может сопровождаться чередованием согласных:

– парный твёрдый согласный / парный мягкий согласный: *штаб → штабист (б/б'),*

бойкот → бойкотист (т/т');

– заднеязычный / шипящий: *шпала → шпальщик (т/ж), мозаика → мозаичист (к/ч)*;

– иные случаи: *клиника → клиницист (к/л).*

Суффикс *-ист* может вызывать усеменение производящей основы: *коммунизм → коммунист, дарвинизм → дарвинист, методика → методист, журналистика → журналист, фигурный → фигурист, роман(ск)ий → романист, дюд(ф) → дзюдист.*

Выводы по анализу морфологических условий выбора суффикса при образовании существительных со значением лица мы представили в таблице 1.

Таблица 1

Суффиксы	КРИТЕРИИ			
	Способность вызывать чередование	Способность вызывать усеменение производящей основы	Способность вызывать интерфиксацию	Способность вызывать наложение
-ник (-чик)	+	+	+	–
-ист	+	+	–	–

Набор средств морфологической адаптации рассматриваемых суффиксов во многом совпадает. В обоих случаях используются чередование и усеменение, кроме того, для этих формантов не характерно использование наложения. Существует и различие: при образовании существительных посредством суффикса *-чик (-чик)* в ряде случаев применяется интерфиксация, для суффикса *-ист* это явление не присуще.

Таким образом, можно говорить о том, что анализируемые форманты с точки зрения морфологических особенностей находятся приблизительно в одинаковом положении. При соблюдении ряда условий (частеречная принадлежность производящего слова, лексическое значение производящих слов и др.) они способны создавать параллельные образования со значением лица: *инструменталист и инструментальщик, казачбурист и казачбуричник, гитарист и гитарщик, медалист и медальщик, моторист и моторщик, сигнарист и сигнальщик, телефонист и телефонищик* и др.

Иными словами, суффиксы *-чик (-чик)* и *-ист* обладают примерно одинаковыми

«словопорождающими» способностями и конкурируют за право образовывать существительные со значением лица.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Земская, Е. А. Словообразование / Е. А. Земская // Современный русский язык : учеб. для филол. спец. ун-тов / В. А. Белошапкова, Е. А. Брызгунова, Е. А. Земская и др. ; под ред. В. А. Белошапковой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Высшая школа, 1989. – 800 с. – ISBN 5-06-000191-1.

АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОДЪЯЗЫКА «ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА»)

А.М. Туреханова
Казахский Национальный технический университет им. К. Сатпаева, Алматы,
Казахстан

Оценка является одной из основополагающих категорий действительности. Именно при помощи оценок человек познает окружающий его мир [11: 18]. Субъект вступает в сложное взаимодействие с внешним миром, при этом он активен, его восприятие реальности сопровождается анализом окружающего мира, своего места в нем и окружающих его людей. «Процесс оценки – это способ реализации ценности объекта, осознание субъектом ценностной предметности объекта, реализующаяся в виде суждения о той ценностной предметности, которая стала предметом оценки» [4: 62]. Реализация оценочных смыслов базируется на когнитивных механизмах сравнения объектов, сопоставления их качеств, свойств и ценности. На основе выбора одного из признаков характерных для сравниваемых объектов определяется ценность того или иного объекта для личности.

По В.И. Банару оценка – это аксиологический термин, отражающий результативный аспект процесса установления отношения между субъектом оценки и ее предметом; причем в класс предметов оценки включаются не только ценности, имеющие для субъекта положительную значимость, но и нулевые и отрицательные ценности, что доказывает общую относительность этого понятия [2: 14]. По Н.Е.Кузнецовой и Е.В.Шевченко, оценка «... это процесс и результат определения субъектом степени значимости объекта с учетом способности последнего удовлетворять те или иные потребности и интересы субъекта, то есть определения прагматической значимости объекта» [14: 71].

В науке о термине длительное время многими исследователями полностью отрицались стилистические функции термина [8: 81; 9: 60-61]. Г.О. Винокур, внесший огромный вклад в

становление терминоведения как науки, определяет термин как специальное слово, обладающее своей интеллектуальной чистотой, т.е. «отрешенность от образных и эмоциональных переживаний» [5: 3]. Категоричен в своих высказываниях А.А. Реформатский: «... терминология – это в идеале строгая и «умная», т.е. опирающаяся на чисто интеллектуальные стороны слова, часть лексики, ... экспрессия ей несвойственна» [23: 117]. Не менее категоричен в своих рассуждениях А.Я. Шайквич: «Терминология обнаруживает ярко выраженную тенденцию к установлению строгого порядка, к точному разделению содержания термина. Эмоциональная окраска, наоборот, создавала бы известную неопределенность, а потому она и не характерна для терминов» [28: 170]. По А.И. Монсеву, «... нейтральность, неотмеченность составляет второе неперенное свойство любого термина» [21: 138]. Полностью отрицают наличие субъективно-оценочной и эмоциональной информации в термине Н.Б. Мечковская [20: 210], Н.З. Котелова [12: 122-123], В.П. Даниленко [8: 77-78]. Ограниченное употребление терминов, субъективно-оценочное которых «затушевано», допускает Б.Н. Головин [7: 7].

На современном этапе развития лингвистики многие лингвисты пересматривают свои взгляды на термин и в их работах прослеживаются совершенно иные подходы. Так, например, В.М. Лейчик, настаивавший в 70-е годы на несвойственности экспрессии у термина [15: 104], позже допускает наличие в нем эмоционально-экспрессивного компонента. По его мнению, это «зависит от той установки, которую выбирает продуцент, воздействуя на реципиента: убедить, побудить к действию и т.п.», что и позволяет ему выполнять прагматическую функцию [16: 90-91].

Нам представляется, что утверждения отсутствия эмоционально-оценочных признаков в содержании технического термина, денотатом которого является «нечто» с твердым телом, не следует понимать буквально. Каждый артефакт имеет свою смысловую нишу, некую «идеическую» оболочку, т.е. оживотворен идеальным содержанием. Вслед за И.В. Арнольд, мы считаем, что требование «интеллектуальной чистоты», отсутствие образных и эмоциональных переживаний, предъявляемые термину, вряд ли осуществимо в силу того, что термин есть слово в лексической системе естественного языка, а значит, «существует во всех трех измерениях, присущих языку как семиотической системе: в семантике (отношение знака к внеслововой действительности), синтактике (отношения знаков между собой) и прагматике (отношение знаков к тем, кто ими пользуется)» [1: 20].

Каждый искусственно созданный технический артефакт приобретает ценностную значимость, в том смысле, что произведен с определенной целью, на него затрачены усилия, он является объектом желания и потребности. Он, как продукт жизнедеятельности отдельного индивида, социальных групп и общностей, человечества в целом включается в

отношения между людьми, и потому обязательно имеет ценностные характеристики. Мысленный конструкт, опредмечиваясь в реальную вещественную форму, приобретает смысл ценности, значимости, полезности теперь уже в сознании потребителя, т.е. приобретает оценочную окраску. «Человек любую вещь рассматривает как потенциальное средство: во всяком дереве видит тес, в реке – место для электростанции, в воздухе – носителя азота и т. д. Так наличное бытие вещей обретает техническое, артефактное бытие полезности» [9: 73]. Человек, приезжая в новый город, первое что видит – это вокзал. По вокзалу он может получить некоторое представление о городе. Отсюда выражения: «вокзал – лицо города», «вокзал – ворота в город». Вокзал может быть безобразным, неудобным, с множеством запутанных переходов, а может быть и комфортным, функциональным. Человек смотрит, рассматривает, оценивает, его приводят в восторг «вокзальные часы», а немцу, возможно, приходит в голову выражение: *«Ich verstehe (usu höre) immer (usu nur) Bahnhof!»* / буквальный перевод: «Я знаю только вокзал» [3: 26; 30: 227], возникшее в те времена, когда вокзал был центром культурной жизни любого города, через которую проходила железная дорога.

Или другой пример. На современном этапе развития тормозной техники на европейских железных дорогах в подвижных составах используются преимущественно следующие типы тормозов: 'трансмиссионный тормоз', 'тормозной диск', 'рельсовый магнитный тормоз', 'пневматический тормоз', 'электронепневматический тормоз'. Если рассматривать концепт 'тормоз' в диахроническом аспекте, то обнаружится изменение его содержания и объема, и рождение новых вербальных единиц, отражающих модификацию технико-экономических признаков данного оборудования, прототипом которой был деревянный 'тормозной башмак', подкладывавшийся под колеса железнодорожной транспортной единицы тормозильщиком. Каждый последующий новый продукт и соответствующая ей материализованная языковая единица как результат научно-технической деятельности специалиста / группы специалистов по своим техническим характеристикам превосходит предыдущий.

Наше исследование выявило значительный пласт маркированной оценочной лексики. Аксиологическое значение этих терминов эксплицируется присутствием оценочного предиката, указывающего на конкретный признак предмета, отличающий его от других и предоставляющей выбор наилучшей альтернативы. Говоря словами Е.М. Вольфа, «А (субъект оценки) считает, что Б (объект оценки) хороший/плохой» [6: 5], т.е., оценка нашла свое отражение в терминах. Например, номинативные значения терминов 'высокоскоростной поезд', 'скорый поезд', 'пассажирский поезд', 'пассажирский вагон первого класса', 'пассажирский вагон третьего класса', 'железнодорожный участок нормальной колеи' / 'участок

узкоколейной железной дороги', 'высокоскоростной участок железной дороги', 'поверхненность коррозии', 'коррозионная стойкость', 'хороший бегун', 'плохой бегун' (*характеристика ходовых качеств грузового вагона*) имеют общее категориальное значение «оценочности». Данные термины манифестируют их аксиологическое значение и в изолированном употреблении как словарной единицы, актуализируют оценочную характеристику в языковом сознании субъекта не только в процессе зрительного восприятия объекта или обозначаемого его знака, а также при воздействии последнего на слуховой анализатор и вызывают соответствующую оценочную реакцию. Услышав или прочитав выше названные слова и словосочетания, человек сразу узнает предмет, о котором идет речь, у него появляется соответствующее о нем мнение, он его обязательно оценивает. В терминах сфокусированы эмоции, оценки, характеризующие именуемый объект. Их оценочное значение целиком и полностью обусловлено прагматическим подходом к конкретному факту действительности. Оно имеет своей целью отразить не собственно семантический, а прагматический аспект знаковой ситуации.

Содержание понятийного смысла ценности указанных терминов формируется взаимодействием трех составляющих – это *объект* (фрагмент реальности) оценивания как предмет желания, интереса, потребности субъекта; *субъект* (оценивающая объект языковая личность). Третьей составляющей понятийного смысла ценности является основание оценки объекта, под которой в лингвистике понимаются «потребности, интересы, установки личности или социальной группы, стандарты, образцы, правила, общественные императивы или запреты, цели или проекты, выраженные в форме норм» [24: 69]. Таким образом, в процессе восприятия субъектом фрагмента действительности устанавливаются определенного рода субъект-объектные отношения. В результате, познающим субъектом осуществляется акт познания объекта и его фиксации в сознании как ценности, удовлетворяющей его потребности, желания, интересы и цели. При повторении ситуации в сознании языковой личности данный фрагмент взаимодействия с окружающим миром, оставляет след в свернутом, потенциальном виде в форме всевозможных классификационных паттернов, готовых актуализироваться в моменты осмысления и интерпретации соответствующих им ситуаций [25: 131, 515-516].

Исходя из сказанного, мы определяем, оценку как умственный акт, являющийся результатом взаимодействия человека с окружающим его миром и отражающее отношение субъекта (индивида, индивидуумов) к объекту. Оценивание предметов и явлений внеязыковой железнодорожной действительности в процессе мыслительных операций языковой личностью позволяет их градуированное размещение на шкале 'выгодно' → 'невыгодно', 'желательно' → 'нежелательно', 'рационально' → 'иррационально', 'хорошо' →

'лучше' → 'замечательно', 'удобно' → 'неудобно' и т.д. Сказанное позволяет сделать вывод, что оценочный компонент присутствует в коннотате любого технического языкового знака, не говоря уже о терминах, наделенных ценностным предикатом, и признать несостоятельность утверждений об их эмоционально-экспрессивной нейтральности и холодности. Любой технический артефакт, обозначенный специальным термином, имеет статус полноценного «концепта», так как он не ограничивается логико-понятийным содержанием термина; он возникает «в результате соединения словарного значения слова с личным и этническим опытом человека» [19: 37] и вполне вписывается в метафорические определения концепта «ступок знаний», «снежный ком», «облако», «неский плод, базовый слой, которого образует его косточка» [26: 58].

Выбранное конкретное транспортное средство для перемещения из пункта *A* в пункт *B* отражает социально-экономическое положение индивида, что может читаться окружающими его другими индивидами как текст, характеризующий статусную позицию, доход, профессию, возраст и т.д. В любой оценке наряду с индивидуальными экстралингвистическими характеристиками субъекта об объекте всегда присутствует оценка в соответствии с общепринятой нормой в установившемся в данном языковом сообществе. В отношении субъекта к актуализируемому в его сознании предмету играют существенную роль его социальный статус, психические особенности, образование, возраст и даже настроение в конкретный момент вербализации оценки [27: 161].

Процесс оценки сопровождается выражением эмоционального отношения субъекта к объекту. В зависимости от конкретной ситуации субъект может и не испытывать каких-либо эмоций – ни положительных, ни отрицательных. Именно ситуация маркирует предметную отнесенность назначения объекта, выбор нужной в данной ситуации альтернативы из ряда возможных и отделения его от других, в соответствии с потребностями субъекта. Стержнем оценки, ее основой является триада: оценочный знак – оценочное значение – прагматический тип оценочной репрезентации [18: 77]. С понятием прагматического аспекта в лингвистике связывают обычно субъективное восприятие знака носителем языка. Считается, что один и тот же знак в зависимости от ситуации может по-разному восприниматься языковой личностью [29: 16-19].

Содержание понятийного смысла ценности вышеперечисленных терминов ни как не соответствуют взглядам лингвистов, настаивающих на эмоционально-экспрессивной нейтральности, неотмеченности, холодности, так как они связаны с выбором наиболее ценной альтернативы, иерархически организованы. Выбор объекта и закрепленного за ним понятия зависит от ценностно-смыслового содержания, представленного в сознании носителя языка. Он может определяться не только субъективными особенностями

восприятия окружающего мира, но и общественного мнения, социального положения индивида, его образа и стиля жизни, возраста и т.д.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арнольд И.В. Основы научных исследований в лингвистике: Учеб. пособие. – М.: Высш. шк., 1991. – 140 с.
2. Банару В.И. Оценка, модальность, прагматика // Языковое общение: Единицы и регулятивы: межвуз. сб. науч. тр. / Калининский гос. ун-т. – Калинин, 1987. – С.14-18.
3. Бинович Л.Э. и Гришин Н.Н. немецко-русский фразеологический словарь, Издательство «Русский язык». – М., 1975. Головин Б.Н. Термин и слово // Термин и слово. Межвузовский сборник. Горький, 1980.
4. Богуславский В.М. Словарь оценок внешности человека / Под ред. В.М. Богуславского. – М., 1994.
5. Винокур Г. О. О некоторых явлениях словообразования в рус. терминологии // Труды Моск. Ин-та истории, философии и литературы. М. 1939. Вып.5.
6. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.
7. Головин Б.Н. Термин и слово // Термин и слово. Межвузовский сборник. Горький, 1980.
8. Даниленко В.П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. М., Наука, 1977.
9. Игнатъева И.Ф. Антропология техники: человек как субъект мира техники. Изд-во Уральского университета. 2002. 129с.
10. Капанадзе Л.А. О понятиях «термин» и «терминология». // Развитие лексики современного русского языка. М., 1965.
11. Квитко И.С. Термин в научной доктрине – Львов.- Львовский Университет. 1976.
12. Котелова Н.З. К вопросу о специфике термина. // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М., 1970.
13. Крейх И.И. Оценка в лексической семантике. // Парадигматические характеристики лексики. – М.: МГПУ, 1986. С. 18-34.
14. Кузнецова Н.Е., Шевченко Е.В // К вопросу о некоторых способах выражения оценки // Язык. Текст. Стил: СНТ / Курганский гос. ун-т. – Курган, 2004, – с. 71-79.
15. Лейчик В.М. Термины-синонимы, дублиеты, эквиваленты, варианты. // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования, вып. II. Новосибирск, 1973.
16. Лейчик В.М. О языковом субстрате термина. – ВЯ. – 1986. – №5

17. Лейчик В.М. //Квитко И.С., Лейчик В.М., Кабанцев Г.Г. Терминоведческие проблемы редактирования. Монография. Львов: Вища ТетраСистем, 2005. – 256 с.
18. Маркелова Т.В. «Лексема-узел «одобрять» как средство выражения оценочного значения. Филологические науки» 1999, № 3.
19. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. Учебное пособие. ISBN 978-985-470-333-6. Минск. 2005.
20. Мечковская Н.Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура: Курс лекций. Гуманитарные науки / Филология. 2007. "Академия".
21. Монсеев А.И. О языковой природе термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. – М., 1970.
22. Пушкина. Диссертация 2001. www.dissereat.com/.../otsenka-i-otsenochnost-v-yazyke-i-khu. Россия.
23. Реформатский А.А. Введение в языковедение. – М.: ФСПЕНТ ПРЕСС, 2005.
24. Сергеева Л.А. Проблемы оценочной семантики. – М.: Изд-во МГОУ, 2003. 140 с.
25. Солсо Р. Когнитивная психология. – Питер, 2006. 588 с.
26. Стернин И.А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной психологии. – Воронеж, 2001. С. 58-65.
27. Старостина Ю.С. Основные характеристики негативной оценки эмоционального и рационального типа в английской стилизованной разговорной речи // Вестник Самарского государственного университета. Самара, 2008. - № 1 (60). – С. 161-166.
28. Шайкевич А.Я. Введение в лингвистику – М., АСАДЕМА, 2005.
29. Шрейдер Ю.А. Логика знаковых систем (Элементы семиотики). М., 1974.
30. Duden, Etymologie. Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache. Mannheim, Wien, Zürich: 1997.

**РЕЧЕВЫЕ АКТЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ РАВНОДУШИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ
И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ**

Т.М. Шкапенко
Балтийский федеральный государственный университет им. И. Канта

Как известно, существуют различные классификации речевых актов (Дж. Остин, Дж. Серль, Дж. Лич, К. Бах и Р. Харниш, Дж. Оуэр, Д. Вундерлих, Б. Фрейзер, Г.Г. Почепцов и

др.). Наиболее известная из них принадлежит Дж. Серлю, в которой выделяются: 1) репрезентативы - речевые акты, в которых сообщается о положении дел; 2) комисивы, в которых говорящий берёт на себя обещание; 3) директивы - речевые акты, побуждающие к действию; 4) экспрессивы - речевые акты (далее РА), с помощью которых говорящий выражает эмоциональное состояние; 5) декларативы - когда говорящий обладает определённым социальным статусом и поэтому способен изменить статус какого-либо лица; 6) интеррогативы - акты-запросы информации.

По мнению А. Красной, экспрессивные речевые акты исчисляемы и представляют закрытый список в силу ограниченного числа типизированных речевых ситуаций и соответствующих типизированных средств выражения [Красина 2005:155]. Однако до сих пор в фокусе исследования российских лингвистов находились лишь такие экспрессивы, как РА прощания, приветствия, благодарности, поздравления и выражения соболезнования, сочувствия, похвалы и комплимента. Вне поля лингвистического интереса остаются многочисленные РА со значением эмоционального состояния, в том числе РА, иллюзия которых состоит в доведении до сведения адресанта своего безразличного, равнодушного отношения к какому-либо сообщению или ситуации. Мы отдаем себе отчет в том, что само предлагаемое нами выделение данных РА в самостоятельную группу экспрессивных РА способно вызвать определенные сомнения. В первую очередь, возникает вопрос: можно ли рассматривать «равнодушие» в качестве эмоционального состояния? И какие РА в таком случае должны составлять данную группу? Ответы на данные вопросы с необходимостью предполагают междисциплинарное решение поставленной проблемы - на стыке психологии и теории речевых актов.

Обратимся для начала к толковым словарям с целью нахождения определений слов «равнодушие» и «безразличие». Толковый словарь под редакцией Д.Н. Ушакова приводит следующие толкования: «РАВНОДУШИЕ, -я, мн. нет, ср. Состояние равнодушного человека, безучастное, лишённое интереса, пассивное отношение к окружающему. *Отстаться с равнодушием к чему-н.* БЕЗРАЗЛИЧИЕ, я, мн. нет, ср. 1. Состояние полного равнодушия, незаинтересованности. *Он выслушал приговор с видом совершенного безразличия.* 2. Отсутствие различия, разницы между чем-н. (устар.). Из данных толкований следует, что безразличие представляет собой более высокую степень равнодушия, то есть отсутствие интереса к чему-либо градуируется. При этом стоит заметить, что в речи при употреблении реплик «*Мне все равно*», «*Мне безразлично*» разница в интенсивности реакции, вербализованной в словах «равнодушие, безразличие» инварируется. Как справедливо замечал В. Г. Гак, «следует различать выражение эмоций и сообщение о них» [Гак 1990:645]. В свете этого утверждения представляется любопытным, что описательный эмотивный

дискурсе расходитсЯ с дискурсом реактивным, под которым мы понимаем РА, используемые говорящим с целью выражения эмоций.

Обратимся теперь к определению самого понятия «эмоция». Психологический словарь определяет эмоцию как «особый класс психических процессов и состояний, связанных с инстинктами, потребностями и мотивами, отражающих в форме непосредственного переживания значимость действующих на индивида явлений и ситуаций для осуществления его жизнедеятельности». Из данного определения следует, что отсутствие значимости объекта или ситуации для воспринимающего субъекта является фактором, вызывающим отсутствие эмоциональных реакций, или состояние «равнодушия». Примечательно, что психологи по-разному трактуют подобное состояние. П.В. Симонов постулирует возможное отсутствие эмоций, утверждая, что при равенстве наличной и необходимой информации эмоции равны нулю. С этим не согласны В.Л. Маричук и В.И. Евдокимов, по мнению которых, «у человека такого состояния не бывает, ведь даже чувство полного безразличия – это тоже эмоция или какое-то эмоциональное расстройство. Эмоции равны нулю только у покойника» [цит. по Ильин 2001:666]. Справедливость данного высказывания подтверждается отчасти и результатами анализа РА, эксплицирующих равнодушие в языковой форме.

В данной работе мы предпринимем попытку сопоставительного анализа РА со значением равнодушия в современном русском и польском языках. В обоих языках существует целый комплекс конвенционализированных средств выражения данного отношения индивидуума к происходящему. Все речевые реакции, используемые для выражения данной иллокутивной функции, можно разделить на относящиеся к общелитературным, разговорным и просторечным. В обоих языках к первой группе относятся РА, выражающие иллокуцию эксплицитным образом с помощью прямых речевых высказываний. Это, в основном, безличные конструкции: *мне все равно, мне безразлично, не важно, нет никакой разницы, не имеет значения* и пр. или же маркированное устаревшим или поэтическим *мне все едино*, или глагольно-именные образования с глаголом в личной форме и отрицанием: *меня (это) не интересует, не касается, не волнует, не трогает*. Если в безличных конструкциях говорящий делает акцент на отсутствие значимости оцениваемых фактов, то в глагольно-именных подчеркивает свое собственное эмоциональное состояние. В польском языке к официальному и нейтральному стилю относятся следующие РА: *mnie/mi (dla mnie) to obojętne, wszystko jedno, nie ma różnicy, (coś jest) nie ważne, nie interesuje, nie obchodzi*. Как видим, глагольно-именная группа представлена меньшим количеством РА. Анализ речевых ситуаций, в которых используются вышеуказанные прямые речевые высказывания, позволяет убедиться в том, что с их помощью говорящий подчеркивает

отсутствие значимости для него какого-либо объекта мысли, или допустимость любого варианта при оценке ситуации выбора:

- *Kogo naznacить na эту должность?*

- *Все равно (не имеет значения).*

Когда же говорящий прибегает к использованию РА типа «меня это не интересует, не касается и т.п.» тем самым он декларирует отсутствие своего интереса к чему-либо в целом. Именно поэтому в качестве стимульной реплики в данных ситуациях выступают не вопросительные высказывания - интеррогативы, а репрезентативы, имеющие своей целью сообщить адресату какую-либо информацию:

- *Его назначили на эту должность.*

- *Меня это не интересует (не волнует, не касается).*

Значительно больший интерес представляют собой РА со значением равнодушия в разговорно-бытовой речи. Во-первых, для данной группы характерна экспликация данного состояния с помощью косвенных высказываний, имеющих характер фразеорефлексов. Под фразеорефлексами (далее ФР) мы вслед за В.Г. Гаком понимаем «вербальные реакции, имеющие тенденцию к стереотипизации, и которые приобретают более или менее устойчивый характер в языке» [Гак 1995: 49]. К простейшим ФР со значением равнодушия можно отнести производные междометия, имеющие вид «застывших» вопросительных и восклицательных высказываний: *ну и что, а мне-то что, а со мне то, i co?* Используемые в этикетном общении утвердительные высказывания также получают в сниженном стиле вопросительную форму: *Какая разница? А мне какое дело? А со то мне obchodzi?* Примечательно, что подобная простейшая синтаксическая трансформация становится средством передачи более эмоционального, и даже агрессивного способа выражения своего безразличия.

Следующую группу РА составляют в русском языке широко распространенные фразеорефлексы с оригинальной внутренней структурой: *(мне) до лампочки, до фонаря*, или *(мне) по барабану*. Очевидно, что в процессе метафорической номинации в качестве своеобразного предела или границы избирается некий объект, по отношению к которому «устанавливается» уровень равнодушия. При этом в качестве «стандартного» объекта выбирается тот, который придает выражению образность и экспрессивность. В польском разговорном дискурсе имеют место аналогичные по своей метафорической природе фразеорефлексы: *nie moja broszka, nie mój cyrk, nie moje malpy, mnie to rybka, wso mi rybka*. Все они представляют собой лексические парафразы устойчивого этикетного выражения: *nie moja sprawa* или *jest mi wszystko jedno*.

Подобная же «пространственная» структура представления равнодушия характерна в

русском языке и для просторечных и жаргонных фразеорефлексов: *по фиг, по физи, до фенки, до фени* и др.. Известная фигура из пяти пальцев, с помощью которой выражается отказ, в данных репликах используется как показатель полнейшего равнодушия к какому-либо объекту или ситуации. Ономастологическая «геометрия» как способ экспликации равнодушия используется и в более «свежих» разговорных ФР: *параллельно, пополам* и *пополамно*. Образ двух параллельных линий, не способных пересечься, становится показателем отсутствия точек эмоционального соприкосновения говорящего с обсуждаемым событием. Свежеспеченный РР *пополам* также рисует геометрический образ экспликации равнодушия (заметьте, что изначально вербализация рассматриваемого состояния в русском языке также основывается на использовании геометрических образов: равно - душе - душа, разделенная на равные части). Подобная наглядная «геометрия» представления равнодушия не является характерной для польского языка и может быть признана специфической чертой русского разговорного дискурса, как и номинации данного сегмента в русском языке в целом.

Следующей ономастологической особенностью ФР со значением равнодушия является использование лексических средств со значением физиологических процессов *мне плевать, плевать я хотел, чихать, чихать я хотел* т.п. В данных репликах выражается не только экспрессивность, но и агрессивность говорящего, который косвенным образом выражает свое презрительное отношение к объекту, на который он готов извергнуть производные субстанции своих мало презентабельных физиологических процессов. В польском дискурсе также существует целый ряд ФР, внутренняя форма которых основана на использовании глаголов со значением физиологических процессов, вызывающих неприятные ощущения: *mnie to marszczy, mnie to swędzi, mnie to zwisa (i kołysa, i powiewa)*. Для выражения своего безразличия часто используются ФР, основанные на описании состояния покоя интимного мужского органа. Заметим, что в русском языке подобная экспликация также имеет место в обесцененных или эвфемизированных ФР в конструкциях типа: *мне по.....* Использование инфинитива в польских ФР данного типа имеет место только в одном ФР: *gwizdać* (свистеть), основанном на образе человека, который посвистывает, выражая таким образом свое безразличие к чему-либо.

Таким образом, средства выражения равнодушия в русском и польском современном дискурсе во многом совпадают. В этикетной речи отношение безразличия эксплицируется с помощью прямых РА, представляющих собой устойчивые речевые клише; в разговорной речи – с помощью разнообразных косвенных РА, представляющих собой фразеорефлексы. Именно последние характеризуются богатством способов лексической и синтаксической экспликации, неожиданной образностью используемых номинативных средств и их экспрессивностью. Эта экспрессивность зачастую граничит с внутренней

агрессией говорящего, что, на первый взгляд, представляется довольно неожиданным в процессах выражения равнодушия. Это может быть связано с тем, что в определенных ситуациях иллокутивная цель говорящего состоит не столько в выражении своего безразличия, сколько в доведении до сведения адресата факта своего равнодушия, вполне вероятно, вынужденного или показного, демонстративного. В данных РА для говорящего крайне важен сам перлокутивный эффект, поэтому выбор самого агрессивного средства выражения равнодушия может, вероятно, свидетельствовать об отсутствии искренности говорящего. Более того, использование подобных ФР может выполнять компенсаторную функцию, направленную на саморегулирование эмоционально-психологического состояния говорящего.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гак В.Г. Речевые рефлексы с речевыми словами // Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. С. 685 – 691.
2. Гак В.Г. Эмоции и оценки в структуре высказывания и текста // Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. С. 645 – 662.
3. Гак В.Г. Фразеорефлексы в этнокультурном аспекте // Филологические науки. - 1995. - № 4. - С. 47-55.
4. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. СПб: Питер, 2001.
5. Красина Е.А. Семантика и прагматика русских перформативных высказываний. Дисс. докт. фил. наук. М: РГБ, 1999.
6. Психологический словарь /под ред. В.П.Зинченко, Б.Г.Мещерякова. М., 1996.
7. Толковый словарь русского языка: В 4 т./ Под ред. Д.Н. Ушакова. — М.: Гос. ин-т "Сов. энцикл.", ОГИЗ; 1935-1940.

СОДЕРЖАНИЕ

Л.В. Абракова Опыт сравнительного анализа некоторых переводов С.Есенина на французский язык	3
Л.И. Балашова Корректировка прогностических навыков на языковых факультетах	8
Ю.И. Бокатина К вопросу о языковой культуре учащихся	19
А.Д. Климентьева Фразеологические единицы татарского дискурса как показатели этноспецифической информации	22
Л.В. Коковина Модальная лексика со значением сомнения в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» и ее переводах на английский язык	26
И.Б. Левчина Семантическая структура синестезических прилагательных	30
С.С. Назмутдинова Практический анализ гармоничного перевода кинодиалога (на примере кинофразы из х/ф «Сибирский широкунчик»)	34
Ю.В. Соловьева Об использовании средств морфологической адаптации при образовании существительных со значением лица	41
А.М. Турецанова Аксиологическое значение технических терминов (на материале подъязыка «железная дорога»)	44
Т.М. Шканенко Речевые акты со значением равнодушия в современном русском и польском языках	50

Подписано в печать 08.12.2011 г. Формат 60×90/16
Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 3,5
Тираж 100 экз.

Отпечатано в Астраханской цифровой типографии
(ИП Сорочкин Роман Васильевич)
414040, Астрахань, пл. К. Маркса, 33, 5-й этаж, 5-й офис
Тел./факс (8512) 54-63-95
e-mail: RomanSorokin@list.ru